

Рисовъ.

КЕЧТА.

1915 г. Пробужденіе № 5-й

1-го Марта 1915 г.

Ф. Жмурко.

ВДОХНОВЕНІЕ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Годъ 10-й.

Выпускъ 5-й.

*Центральная библиотека им. Зан
и им. Грима*

Громъ.

Громъ въ тучахъ роется съ угрюмымъ рокотаньемъ,
Но вѣтеръ ихъ несетъ куда-то мимо насъ.
Не мучай, не пытай томительнымъ молчаньемъ,
Открой-же, наконецъ, когда настанетъ часъ.

Вѣдь, если ждать,—пожалуй, минетъ лѣто,
И на отцвѣтшій лугъ уронитъ садъ листы,
И сердце такъ умретъ—метелями отпѣто,
Твоей губительной не выпивъ красоты.

И этотъ первый громъ—ужель тебѣ не ясно,
Что это эхо лишь, что сердце грозъ полно?
Зачѣмъ ему гремѣть безсильно и напрасно,
Когда мы встрѣтились и молодо оно.

Александръ Рославлевъ.

Jean Steinfachet

Я скованъ съ тобою...

Я скованъ съ тобою цѣпами страданій,
Цѣпами загубленной нашей любви.
Изъ горькихъ утратъ и погибшихъ желаній
Ковали ихъ скорби и слезы мои.

Забытый тобой, одинокой годами,
Я буду минувшаго цѣпи носить,
Къ утраченнымъ снамъ уноситься мечтами,
Меня обманувшее счастье любить.

Для новыхъ страстей и для новыхъ влеченій,
Для новой любви я тебѣ измѣню,
Для новыхъ цѣпей и для новыхъ мученій,
Забуду, забуду улыбку твою.

Но въ сердцѣ,—я знаю,—какъ эхо утраты,
Надолго останется горечи слѣдъ:
Какъ нѣтъ обманувшему счастью возврата,
Такъ сказкѣ былого забвенія нѣтъ.

Л. Андрусонъ.

На мотивъ П. Верлена.

Солнце за горою гасло, умирая...
Вѣтерокъ печальный, тихо пролетая,
Ласково баюкала лотось благовонный,
Въ камышахъ склоненный
надъ водою сонной...

Берегомъ, гдѣ ивы надъ ручьемъ рыдали,
Одинокъ бродилъ я въ сумракъ печали;
Саваномъ могильнымъ бѣлые туманы
Плыли съ океана,
полные обмана...

Я рыдалъ безумно, и на вопли муки
Сонныхъ птицъ тревожно раздавались звуки,
И, какъ стонъ, безильно снова умирали
Въ этой мутной дали,
гдѣ я шель въ печали...

Надъ прудомъ сгущался сумракъ погребальный,
Тихо угасалъ въ немъ солнца лучъ прощальный;
Горестныя ивы и, въ тоскѣ склоненный,
Надъ водою сонной
лотось благовонный...

Изгнанникъ.

Какъ скучно...

Какъ скучно жить безъ свѣтлой сказки—
Съ однимъ лишь холодомъ въ груди,
Безъ обольстительной развязки,
Безъ упованій впереди!

Какъ жизнь бѣдна безъ увлеченій,
Какъ жизнь безъ подвиговъ мертва,
И безъ высокихъ отреченій
Душа,—какъ храмъ безъ божеств!

Ив. Мукосъевъ.

Плачетъ...

Разсказъ Л. Григорова.

I.

Акцизный чиновникъ Сергѣй Лукичъ Платоновъ проснулся среди ночи отъ какого-то крайне неприятнаго сверлящаго визга; этотъ визгъ несясь со двора, дерзко-непрощенно влеталъ въ открытое окно и просто кололъ барабанныя перепонки. Платоновъ съ гримасой огорченія прислушался и тихо пробурчалъ:

— Опять то же самое... Чортъ возьми, что такое... Третья ночь... И какъ это глотку ему не зажмутъ...

Во дворѣ въ чьей-то квартирѣ плакалъ грудной младенецъ; тамъ окно тоже было открыто, и плачь доносился отчетливо, ясно; то онъ замиралъ и былъ чуть слышенъ, то вдругъ раздавался рѣзко,— младенецъ просто кричалъ во все свое маленькое горлышко, издавалъ такіе острые звуки, что Платонову хотѣлось вскочить съ кровати, подбѣжать къ окну и крикнуть, чтобы уняли крикуна, или хоть закрыли окно, а то силъ никакихъ нѣтъ... Свое окно Платоновъ не хотѣлъ закрывать,—стояла африканская жара, въ комнатѣ и при открытомъ окнѣ было душно, спать приходилось въ полномъ разоблаченіи, и все-таки было жарко, тюфякъ жегъ тѣло.

— Ужась, что такое,—громко сказала онъ и сѣлъ на кровати.

— Что съ тобой?—съ легкимъ испугомъ спросила рядомъ спавшая жена. Она тоже слышала крикъ младенца, но во снѣ,—ей приснилась свора какихъ-то необыкновенно тощихъ собакъ, и одна изъ нихъ, задравъ морду, жалобно выла, а остальные стояли съ опущенными головами и поджатыми хвостами и точно слушали этотъ вой.

— Что съ тобой?—повторила жена, приподнявшись и подтягивая на плечо свалившуюся сорочку.

— Опять крикъ,—хмуро сказалъ Платоновъ.

— Ребенокъ плачетъ...—сонно протянула она и зѣвнула.

— Какой тамъ чортъ плачетъ! Ореть просто на весь міръ... Я совсѣмъ спать не могу. Это, наконецъ, невыносимо... Съ ума можно сойти! Надо будетъ заявить старшему дворнику.

— А мнѣ сейчасъ приснилась куча собакъ... Худыя, тощія... Одна изъ нихъ выла... А это оказывается... Странно какъ-то... Ну, я буду спать...

Она перевернулась на другой бокъ, положила одну руку подъ щеку, другую протянула вдоль тѣла и стала ровно дышать.

— Я удивляюсь, какъ это ты можешь...—проговорилъ Платоновъ

Жена ничего не возразила. Черезъ минуту она уже спала. Онъ продолжалъ сидѣть на кровати. Крикъ младенца не умолкалъ и въ тиши и темнотѣ ночи казался такимъ дикимъ, такимъ ненужнымъ, нарушающимъ гармонію покоя, что Платоновъ удивился, какъ это молчить весь дворъ, а не переполошится и не приметъ мѣръ къ тому, чтобы было тихо. Онъ подошелъ къ окну, поглядѣлъ на темно-сѣрый клочекъ неба, потомъ обѣжалъ взглядомъ противоположный флигель, увидѣлъ нѣсколько настѣжь открытыхъ оконъ...

«Спать—и ничего имъ,—подумалъ онъ, морщась отъ неумолкающаго плача младенца.—А можетъ, и не спать, а также мучаются, проклинаятъ все и вся на свѣтѣ... Обязательно надо будетъ заявить старшему дворнику, а то хоть съ квартиры съѣзжай».

Оставилъ окно, приблизился къ кровати, посмотрѣлъ на нее страдающими глазами, машинально оправилъ подушку... Ребенокъ внезапно рѣзко вскрикнулъ, будто его преобильно ударили... Платоновъ передернулся и выругался совсѣмъ ужъ неприлично, хотя и тихо, себѣ подъ носъ. Легъ, вытянулся, болтнулъ ногами, словно на нихъ что-то навалилось. Ребенокъ издалъ нѣсколько протяжныхъ стоновъ и затихъ. Наступила тишина. Послышались тихіе ночные звуки,—тѣ звуки ночи, подъ которые такъ хорошо спится: не то шорохъ, не то отдаленный говоръ шопотомъ, не то легонькій трескъ чего-то, похожій на эхо кузнечиковъ, а быть можетъ, это въ небѣ далекія звѣзды потрескиваютъ своими огоньками. Платоновъ легъ на правый бокъ, спиной къ окну, закрылъ глаза, сталъ нарочно дышать протяжными вздохами... Какая-то чепуха завозилась въ головѣ, какъ это бываетъ, когда человѣкъ хочетъ ни о чемъ не думать, забросить за тридевять земель всякую логику,—но освобожденный отъ воли разсудокъ, ни съ того ни съ сего, заработаетъ съ удвоенной силой, наполнить мозги такимъ непослѣдовательнымъ вздоромъ, что даже страшно дѣлается.

Платоновъ дернулъ головой, будто хотѣлъ вытряхнуть изъ нея этотъ вздоръ, энергично ткнулъ горячую щеку въ мягкую подушку и началъ считать:

— Разъ... два... три... четыре... пять...

И сонъ, наконецъ, объялъ его. Уже пріятная истома прошла по всему тѣлу, отдаваясь нѣжнымъ щекотаньемъ въ ногахъ, которыя еще больше хотѣлось вытянуть, но невозможно, и Платоновъ только потеръ одной ногой другую, точно такъ, какъ мухи потираютъ свои лапки,— глаза сомкнулись очень крѣпко, все тѣло замерло, обезсилѣло, чуть пріоткрылся ротъ... Ровное дыханіе двухъ существъ наполнило комнату.

Не прошло и десяти минутъ сна Платонова, какъ его окружили тощія собаки, тѣ самыя, про которыхъ только что рассказала жена — и одна подлая дворняжка такъ завyla, такъ заскулила...

— Пошла вонъ!—яростно кричитъ онъ—и подбѣгаетъ къ воющему псу, поднимаетъ ногу и съ ожесточеніемъ опускаетъ ее на покрытый скомканной шерстью черепъ. Отъ удара собака завyla еще сильнѣе—и что-то такое печальное, грустное было въ ея воѣ, что Платонову самому внезапно стало грустно и хотѣлось заплакать; въ груди вмигъ скопилось много слезъ, и онѣ неудержимо рвались наружу.

— Аввввввъ... Авввваааа-а-аа...—дробно и протяжно выла собака и смотрѣла на него жалостными слезящимися глазами, точно молила не трогать ее, не бить, а дать выплакать свою боль, свое страданіе.

Но Платоновъ быстро смахиваетъ съ себя внезапную грусть, поднимаетъ ногу снова, съ силой опускаетъ ее на собачій черепъ—и тогда раздается такой визгъ, что все тѣло его потрясается...

Онъ проснулся со стономъ, сразу съль на кровати...

— Опять кричить, проклятый!—громко вырвалось у него изъ груди.

Отъ его голоса жена задвигалась на кровати, но не проснулась, а только почавкала, что-то пробормотала и затихла.

— Вѣра!—крикнулъ Платоновъ.

Жена не просыпалась. Онъ не повторилъ возгласа. Плачь ребенка сталъ тише,—слышались замирающія нотки, то продолжительная, то краткія, вздрагивающія, будто ребенокъ усталъ отъ плача, надорвался и не можетъ уже зарыдать всей своей грудкой. И неслись, плыли по двору его стоны, залетали въ открытыя окна жильцовъ, жалобные, молящіе, надрывные...

Платоновъ вскочилъ съ кровати и рѣзкими движеніями захлопнулъ окно на обѣ рамы.

— Что такое? Это ты, Сережа?—испуганно спросила жена. Она пробудилась отъ стука рамъ одна о другую.

— Я, я!—нервно отвѣтилъ онъ, дернувъ ногой.—Совсѣмъ невозможная исторія получается. Лучше задохнуться, чѣмъ слушать этотъ вой. Ужасъ одинъ.

— Ты легъ-бы на диванъ въ столовой,—вяло сказала Вѣра.

— Ахъ, ступай, пожалуйста, съ своими совѣтами! Кажется, извѣстно тебѣ, что я не переносу этого дурацкаго дивана. Вотъ напастъ-то. И что за глотка у этого чертенка. Гм... Слышишь?

— Что?

— Да опять реветъ. Неужели не слышишь?

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на нее.

— Чуть-чуть... Еле-еле...—Она зѣвнула.

— И это сквозь двѣ рамы. Нѣтъ, я завтра подниму цѣлый скандалъ. Невозможно. Мнѣ на службу надо идти, голова должна быть свѣжей, ясной... Я не могу. Онъ у меня перестанетъ реветъ. Я ему заткну глотку. Силь никакихъ не хватаетъ! Извольте теперь дышать этой атмосферой...

Платоновъ провелъ рукой по воздуху; посмотрѣлъ въ окно и вздрогнулъ, такъ и подбросило всего.

— Смотри, уже свѣтаетъ!—воскликнулъ онъ.—А я еще не спалъ ни минуты. Съ какой это, ты скажи мнѣ, стати?

Онъ протянулъ руки съ разбросанными пальцами.

— Конечно,—слабо проговорила Вѣра.—Ну, спи уже. Ложись. Теперь тихо. Я спать хочу... Какъ хорошо, что у насъ дѣтей нѣтъ... Очень хорошо...

— О, у меня не было-бы ничего подобнаго! Я не позволилъ-бы этимъ херувимамъ не давать покою старшимъ. Я-бы ихъ...

Платоновъ еще долго говорилъ, но Вѣра не слушала его,—она уже спала безмятежнымъ сномъ. Онъ легъ, раздраженный, злой, и нѣсколько минутъ прислушивался къ едва слышному плачу, удивлялся, какъ это мать не приметъ надлежащихъ мѣръ, не угоститъ капризнаго щенка чувствительными шлепками, не заткнетъ ему ротъ какой-нибудь тряпкой... Плачь ребенка замиралъ, но не замирала злость Платонова,—онъ зналъ, что скоро начнется новый вой, и хотя теперь непріятные звуки едва доносились до слуха, но нервы его были

такъ взвинчены, что достаточно и малѣйшаго шороха, чтобы прогнать сонъ за тысячу верстъ.

Онъ проворочался на постели еще цѣлый часъ и уснулъ, когда уже совсѣмъ разсвѣло.

II.

Утромъ, идя на службу, онъ столкнулся съ младшимъ дворникомъ, едва отвѣтилъ на его подобострастный поклонъ и, уже сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился.

— Иванъ или Степанъ... какъ тамъ тебя?—сердито сказалъ онъ. Дворникъ подошелъ къ нему, сбросивъ съ головы помятый картузь.

— Тутъ, у насъ, творится по ночамъ что-то невозможное,—началь Платоновъ.—Какой-то чертенокъ оретъ, не переставая. Я уже три ночи не сплю. Чей это ребенокъ?

— Прачкинъ,—быстро и охотно отвѣтилъ дворникъ.—Онъ и днемъ визжитъ. Все время визжитъ. Сейчасъ что-й-то притихъ, но это не надолго.

— Ты распорядись... самъ или старшему скажи, чтобы... ну, надо что-нибудь сдѣлать, а то съ ума можно сойти. Что тамъ мать смотреть!

— Да самой-то матери съ утра до ночи дома нѣту. Стираетъ она гдѣ-то. А ей скажу, отчего не сказать, разъ оно... И не вы одинъ, баринъ, жалуетесь, другіе жильцы тоже,—спать, говорятъ, нельзя. Я сейчасъ этой Аниоткѣ скажу, пока тамъ мать съ работы вернется. Пусть дѣвчонка уйметъ плакуна. Вонъ, слышите, опять заораль? И чего онъ только?

Платоновъ послушалъ двѣ-три секунды, поморщился и пробурчалъ:

— Вотъ такая музыка была уже три ночи. Это, вѣдь, ни на что не похоже. Нервы рвутся на части.

— Да мы, не беспокойтесь, постараемся, уйдемъ его,—успокаивающимъ тономъ сказалъ дворникъ.—А то, дѣйствительно... Существо махонькое, а покою нѣтъ во всемъ домѣ. Ужъ мы, баринъ, примемъ мѣры.

Платоновъ оставилъ его и зашагалъ по направленію къ своей службѣ. Онъ былъ доволенъ, что распорядился насчетъ крикуна. Онъ занималъ одну изъ лучшихъ квартиръ въ домѣ и былъ уважаемъ и хозяиномъ, и дворниками. А эта прачка, навѣрно, снимаетъ какую-нибудь конуру за пять цѣлковыхъ, а шуму отъ нея на цѣлый кварталъ. Да, да, теперь зажмутъ ротъ капризному ребенку.

Младшій дворникъ, проводивъ взглядомъ Платонова, постоялъ нѣсколько времени на мѣстѣ, почесалъ зачѣмъ-то въ затылкѣ, сдвинулъ картузь на лобъ, отчего видъ его сталъ небрежнымъ, лѣнивымъ,—и отправился въ конецъ двора; тамъ, въ углу, около прачечной и отхожаго мѣста, находилась маленькая квартирка въ одну комнату, вмѣщавшую въ себѣ и кухню, которая отдѣлялась перегородкой; единственное окно было распахнуто, и изъ него вылеталъ почти непрерывный плачь.

Дворникъ вошелъ въ комнату; въ ней была ничтожная обстановка: покривившаяся жиденькая желѣзная кровать, утопающая въ лохмотьяхъ, простой некрашеный столъ и два табурета; какое-то рванье валялось еще въ одномъ углу; тамъ копошилась грязная сѣрая кошка,

съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ взглянувша на вошедшаго. А на кровати, едва замѣтный, лежалъ крохотный младенецъ, виновникъ безпокойства въ домѣ. Онъ былъ страшно худъ, прозраченъ, точно восковой; страдальческими темными глазками, окруженными синевою, въ которыхъ не было ничего младенческаго, онъ посмотрѣлъ на дворника, мгновенно затихъ, только маленькое заплаканное личико продолжало кривиться отъ боли и желтоватыя ручки съ тонкими, какъ соломенки, пальчиками дѣлали движенія въ воздухѣ, будто хотѣли взять что-то и притянуть къ себѣ. На табуретѣ у стола сидѣла Анютка,—наемная дѣвочка лѣтъ девяти, крайне замурзанная, въ испачканной розовой бебешкѣ; она разсматривала какую-то тряпку и очень удивилась, увидѣвъ дворника.

— Что вамъ, дяденька?—спросила она, вскочивъ съ табурета.

Дворникъ черезъ ея плечо поглядѣлъ на ребенка, кивнулъ на него и сказалъ:

— Что это у тебя, дурнушка, дитѣ все ореть? Жильцамъ покою нѣтъ.

— А я не знаю,—развязно отвѣтила Анютка, дернула головой и почесала одной босой ногой другую.—Онъ все время горланить.

— Вотъ то-то и есть, что горланить, а надо такъ, чтобы не горланилъ. Ты его угомони, а то тутъ весь дворъ скоро взбунтуеть.

— А что я сдѣлаю?—пожала плечами Анютка.—Я ему уже и соску, и молока... ничего не помогаетъ—кричить.

— Чего жъ это онъ?

— А я не знаю. Откуда же знать? Онъ не скажетъ.

Дворникъ подошелъ къ кровати, сталъ глядѣть на ребенка различными глазами.

— Какой зеленый онъ у тебя, будто года три не ѣлъ.

— Да онъ будто и ѣстъ, только все назадъ идетъ. Я уже и кормить его перестала, все равно назадъ идетъ.

— Что жъ онъ—болень, что-ли?

— А я не знаю. Онъ, кажись, что-то неладное проглотилъ. Вотъ я пуговички одной никакъ не могу сыскать. Пропала. А можетъ, шкурку проглотилъ.

— Каку-таку шкурку?

— Да отъ колбасы. Я тутъ ѣла, а онъ на рукахъ сидѣлъ. У меня на рукахъ. Я не знаю.

Ребенокъ тихо застоналъ, закидывая назадъ свое восковое личико, потомъ медленно замоталъ имъ, быстрѣе задвигалъ ручками,—стонъ скоро превратился въ плачь, сначала тихій, сдержанный, то-склиный, а потомъ, все разрастаясь, изъ маленькой впалой грудки сталъ вырваться крикъ, въ темныхъ глазкахъ засверкали искорки страданія—и не вылилось изъ нихъ ни одной слезинки, они были сухими: бѣдняжка выплакалъ уже всѣ свои слезы.

— Опять пошелъ,—съ неудовольствіемъ сказалъ дворникъ, отворачиваясь отъ него.—Этта... гм...—Онъ помоталъ головой.—Ты ужъ тутъ какъ хочешь, а крику чтобъ не было, а то...—Онъ не договорилъ и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Что жъ я сдѣлаю?—плаксиво пробормотала Анютка.—Онъ и мнѣ во-какъ надоѣлъ... Я ужъ и не знаю, что съ нимъ... хоть задушить...

Она вдругъ подскочила къ кровати и затопала босыми ногами.

— Молчать! Молчать, говорю тебѣ, паршивый! Ну, чего, дуракъ, ревешь? Чего тебѣ еще надо? Тьфу, на твою голову!

Анютка плюнула, но не попала въ головку, покрытую темнымъ пушкомъ, а на ручки, которыя продолжали дѣлать движенія въ воздухѣ, что-то ловили въ немъ, кулачки сжимались и разжимались. Крикъ няньки подѣйствовалъ на младенца,—онъ испугался и затихъ на нѣсколько минутъ, потомъ опять началъ стонать.

— Ну, такъ ты смотри,—проговорилъ дворникъ и вышелъ.

III.

Когда наступила ночь, тѣ жильцы, что спали съ открытыми окнами и форточками, опять не могли сомкнуть глазъ: крикъ ребенка раскатывался по двору, врвался въ квартиры, трепаль взвинченные жарой нервы, вызывалъ проклятія, а у нѣкоторыхъ—непреодолимое желаніе—пойти и собственноручно зажать ротъ крикуну...

Платоновъ просто мѣста себѣ не находилъ. Онъ не хотѣлъ закрывать своего окна и два раза посылалъ горничную къ прачкѣ, чтобы та уняла капризнаго чертенка, или хотъ заперлась наглухо, на всѣ запоры, а то голова кружится,—но оба раза горничная возвращалась и говорила:

— Ей душно. Не хочеть закрывать окна. Ребеночекъ, говорить, задыхается.

— Чортъ побери...—ворчалъ Платоновъ.—Придется переѣзжать раньше времени. А то—взорветъ тебя. Такъ и взлетишь на воздухъ отъ этого крика.

— А ты не прислушивайся къ нему,—наставительно сказала Вѣра.—Не будешь прислушиваться, такъ ничего и не услышишь. Правда.

Платоновъ посмотрѣлъ на нее, какъ смотрять на больныхъ разсудкомъ.

— Благодарю за совѣтъ,—сказалъ онъ съ скрытымъ раздраженіемъ въ голосѣ.—Ты у меня всегда была умницей.

— Какъ хорошо, Сергѣй,—возразила жена.—Ты уже начинаешь ругаться. Очень это красиво съ твоей стороны.

— Я не могу, не могу, понимаешь! Я готовъ задушить этого ребенка. Вѣдь, это совсѣмъ ни на что не похоже...

Онъ сталъ ходить изъ угла въ уголь. А плачь, почти не прерываясь, несся со двора, но сталъ уже тише, слабѣе, будто продолжительно замиралъ и не могъ замереть совсѣмъ, не могъ остановиться.

Платоновъ раздѣлся и легъ. Легла и Вѣра. Она была немного обижена и не хотѣла говорить съ мужемъ. Скоро послышалось ея ровное, глубокое дыханіе. А онъ лежалъ и слушалъ постепенно замирающій плачь. Но то уже не былъ плачь, а тоскливый стонъ, и ребенокъ, очевидно, весь вздрагивалъ, когда этотъ стонъ вырывался изъ его грудки,—протяжные звуки часто обрывались, пока длился вздохъ. И все тише и тише становились они и, наконецъ, вовсе затихли. Стало тихо во дворѣ. Опять доносились до слуха ночные шорохи, таинственный трескъ чего-то, отдаленный, чуть уловимый шумъ, подъ который такъ хорошо спится. Но Платоновъ не успокаивался, онъ ждалъ новаго взрыва, новаго плача и стоновъ. Онъ прислушивался, но было тихо. Улегся поудобнѣе, началъ ровно и глубоко дышать...

Черезъ нѣсколько минутъ ему показалось, что Вѣра встала съ кровати и вышла въ гостиную. «Что съ ней?»—подумалъ онъ и сталъ

прислушиваться. Въ гостиной заговорило сразу нѣсколько голосовъ, и голосъ Вѣры былъ слышнѣе всѣхъ. Потомъ затопали какія-то грузныя подошвы, потопали и ушли. «Принесли что-то»,—показалось Платонову. Затѣмъ послышался дребезжащій пѣвучій голосъ,—онъ запылъ о чемъ-то, точно тихо заплакалъ. Нѣсколько другихъ голосовъ подхватили его и запѣли что-то очень печальное, заунывное, безнадежное. Платоновъ рванулся, хотѣлъ бѣжать въ гостиную и посмотрѣть, что тамъ творится, но ноги не слушались его,—были будто скованныя... Грустное пѣніе разрасталось и давило грудь, словно камень—и ему до боли стало грустно, къ горлу что-то подкатилось... «Вѣра!—закричалъ онъ, какъ могъ.—Иди сюда, Вѣра...». Но никто къ нему не подходилъ. Наступила могильная тишина—и разрѣшилась она новымъ пѣніемъ,—ясно и такъ отчетливо Платоновъ услышалъ послѣднюю пѣсню, съ какой провожаютъ человѣка въ послѣднее его жилище—могилу.

— Вѣ-э-э-чая па-а-мять...—уныло пѣли глоса.—Вѣ-э-э-чая па-а-мять...

Стало невыносимо грустно—и слезы полились изъ глазъ Платонова.

— Вѣ-э-э-э-чая па-а-мять...—протянули въ послѣдній разъ голоса и умолкли.

Затопали опять десятки ногъ, сначала шумно, потомъ стали удаляться, и все тише, тише былъ шорохъ шаговъ, и совсѣмъ сдѣлалось тихо. Глубокая тишина наступила, точно весь міръ умеръ. И отъ этой нерушимой тишины внезапно пробудился Платоновъ.

И наяву было тихо. Плачь ребенка не раздавался по двору и не влеталъ въ открытое окно. Платоновъ напряженно прислушивался,—нѣтъ, ребенокъ уже не плакалъ... Но ему теперь почему-то хотѣлось, чтобы дитя плакало...

«А можетъ, оно успокоилось,—подумалъ Платоновъ,—тогда еще лучше... А что если...»—онъ вздрогнулъ и опять напрягъ слухъ... Ничего не слышно. Все спитъ. Даже ночныхъ шороховъ нѣтъ. Все словно оконченѣло. Ему вдругъ стало страшно.

— Вѣра,—негромко сказалъ онъ.

Жена продолжала ровно дышать. Въ небрежной позѣ, раскинувъ по сторонамъ руки и ноги, она крѣпко спала.

— Вѣра,—повысилъ голосъ Платоновъ.

Тихо. Ни звука, ни движенія въ отвѣтъ.

— Вѣра-же!—крикнулъ онъ.

Она завозилась и открыла глаза.

— Ну, что? Что съ тобой?—сонно спросила она.—Опять плачетъ?

— Нѣтъ, не плачетъ. Пересталъ...—тихо сказалъ Платоновъ.

— Чего же ты? Отчего не спишь?

— Не знаю... Что-то... Мнѣ какъ-то... мерещится такое...

— Да спи, пожалуйста. Не плачетъ же... Затихъ...

Платоновъ помолчалъ. Вѣра перевернулась на другой бокъ, потянулась, зѣвнула, отбросила отъ себя ногами марселевое одѣяло.

— Не буди меня больше. Дай поспать,—слабо сказала она.

Онъ вдругъ вздрогнулъ.

— Слышишь?—оживленно спросилъ онъ, и въ голосѣ его сквозила чуть уловимая радость.—Слышишь, Вѣра?

— Ничего я не слышу. И оставь, прошу тебя. Не прислушивайся...

— Плачеть!—тихо воскликнул Платоновъ, слегка приподнимаясь.—А я думалъ... Правда, плачеть? Ты прислушайся...

— Ахъ, Сергѣй! Ничего, вѣдь, не слышно. Тебѣ кажется. Перестань. Я ужасно спать хочу...

— Неужели мнѣ это кажется?—съ испугомъ спросилъ онъ.— Неужели только мерещится?..

— А, ну, тебя... Я сплю...

Почти сѣвъ на кровати, онъ долго прислушивался... но на дворѣ было тихо, мертвенно тихо. Протарахтѣлъ гдѣ-то извозчикъ, потомъ нѣсколько разъ постучалъ палкой о тротуаръ ночной сторожъ, кто-то изъ жильцовъ два-три раза кашлянулъ во снѣ—и опять мертвая тишина...

Платоновъ вытянулся, но спать не могъ. Вдругъ ему снова чудился плачь младенца,—онъ быстро поднялъ голову, прислушался... нѣтъ! Боже, какъ-бы онъ крѣпко заснулъ, если-бы опять раздался этотъ дѣтскій плачь! Какъ спокойно стало-бы у него на сердцѣ...

— Ахъ, хотъ-бы онъ пискнулъ...—шопотомъ восклицаетъ Платоновъ и напрягаетъ слухъ до послѣднихъ предѣловъ. Но ничего не улавливаетъ слухъ, и вѣяніе чего-то гнетущаго, непоправимаго будто носится въ темнотѣ и тиши ночи, и тутъ, въ комнатѣ, тоже словно рѣветъ что-то нехорошее, тягостное, и забирается оно во всѣ уголки ея, обвѣваетъ Платонова, не даетъ ему покоя...

— Вѣра!—хотѣлось крикнуть ему,—но слово застряло въ горлѣ,—и только дернулась, какъ отъ зубной боли, голова.

«Ахъ, какой вздоръ!—сталъ думать онъ.—Вѣдь, это—нервы, одни нервы... Ничего, вѣроятно, не случилось, а они разыгрались во-всю. Шумять, гудять... А все жара, проклятая, надѣлала. Ну, зачѣмъ этой Вѣркѣ захотѣлось прокатиться по Волгѣ? Жили-бы теперь на дачѣ, отдыхали, не ждали-бы отпуска... И не было-бы этихъ глупостей... Но хотъ-бы пискнулъ этотъ горлань...»

Долго ворочался Платоновъ...

IV.

Возвращаясь на другой день со службы, онъ увидѣлъ человѣка, несшаго небольшой розовый гробикъ. Человѣкъ шелъ къ тому же дому и скрылся въ воротахъ, около которыхъ, по обыкновенію, стоялъ младшій дворникъ.

— Кто это умеръ?—спросилъ у него Платоновъ.

— Да это тотъ малецъ умеръ, что все безъ просыпа горланилъ,—охотно и быстро отвѣтилъ дворникъ.—Чуть свѣтъ сегодня душонку свою Богу отдалъ, царство ему небесное.

Платоновъ поблѣднѣлъ и задумчиво побрелъ къ себѣ.

— Теперь тихо будетъ...—донеслись до него слова дворника.

...Хоронили младенца на другой день. Въ маленькомъ розовомъ гробу онъ лежалъ такой сморщенный, высохшій, чуть замѣтный. Мать не плакала, только тоскливо озиралась по сторонамъ. Анютка тоже пригорюнилась и выглядѣла запуганнымъ волченкомъ.

...Тихо стало во дворѣ по ночамъ. Нѣкоторое время жильцамъ даже жутко дѣлалось, когда они, проснувшись ночью, не слышали тоскующаго плача.

Л. Григоровъ.

Молитва Св. Георгію.

Другъ сердечный въ полѣ битвы,
Нѣтъ вѣстей отъ друга...
Въ ночь шептала я молитвы,
Грустно пѣла выюга...

А уснула—къ изголовью
Онъ пришелъ средь ночи,
И съ печалью и любовью
Цѣловаль мнѣ очи...

Истомилась... Спятъ восторги,
День и ночь тревога...
Сохрани его, Георгій—
Воинъ ясный Бога!

Н. Якубовичъ.

Рамка-виньетка *М. Мореля.*

СВ. ГЕОРГІЙ.

Иванъ Ивановичъ.

(Изъ русско-японской войны).

Разсказъ Н. Карпова.

У него было длинное, неудобпроизносимое китайское имя, но, когда онъ появился въ отрядъ въ качествѣ переводчика, всѣ, отъ начальника дивизіи до вѣстовыхъ, стали почему-то называть его Ивановъ Ивановичемъ. Маленькій, смуглолицый и юркій, онъ сразу сумѣлъ сдѣлаться нужнымъ человѣкомъ и съ рѣдкимъ безкорыстіемъ, столь мало свойственнымъ китайцамъ, оказывалъ штабу дивизіи массу важныхъ услугъ. Беззавѣтно преданный русскимъ, онъ почти всегда недружелюбно относился къ своимъ соотечественникамъ, и когда въ штабъ приводили для допроса китайцевъ, подозрѣваемыхъ въ шпионствѣ или въ принадлежности къ хунхузскимъ шайкамъ, онъ какъ-то съ одного взгляда опредѣлялъ степень ихъ благонадежности.

— Холосы манза!.. ничего дульного дѣлай нѣтъ!..—шепталъ онъ допрашивающему офицеру, внимательно осматривая подозрѣваемыхъ своими маленькими, живыми, раскосыми глазками.

— Шибко дульной есть!.. Нехолосо! Ну—шанго! хунхуза есть!— блестя глазами, сердито выкрикивалъ онъ въ другой разъ, по какимъ-то, ему одному понятнымъ, признакамъ различая хунхузовъ. Ему сначала не хотѣли вѣрить, но въ послѣдствіи всѣ его подозрѣнія оказывались основательными.

Званіемъ переводчика онъ гордился необыкновенно. Если кто-нибудь изъ вновь прибывшихъ въ штабъ осмѣливался крикнуть ему: «Эй, ходя!», онъ сердито взглядывалъ на этого человѣка, съ достоинствомъ бросалъ ему: «Моя нѣтъ ходя... Моя пелеводчикъ есть!» и спокойно поворачивался къ нему спиной. Завѣтной мечтой его была мечта о медали, которую онъ думалъ получить за свои услуги, намекая при каждомъ удобномъ случаѣ о ней начальнику дивизіи. Медаль ему была обѣщана, а въ ожиданіи ея онъ получалъ грошовое жалованье и былъ безконечно доволенъ своей судьбой. Но мѣсяца черезъ два появленіе въ штабѣ второго переводчика смутило его простую душу, и его счастливому существованію пришелъ конецъ. Этотъ второй переводчикъ, Чунь, былъ прямою противоположностью суетливому Ивану Ивановичу. Высокій, широкоплечій, всегда сумрачный, онъ смотрѣлъ на всѣхъ исподлобья, волкомъ. Въ свободное время, когда Иванъ Ивановичъ весело болталъ съ офицерами и солдатами, Чунь молча сидѣлъ

на корточкахъ у порога фанзы и смотрѣлъ куда-то въ даль. Впрочемъ, обязанности переводчика онъ исполнялъ добросовѣстно, методически переводилъ фразу за фразой, часто переспрашивалъ, тогда какъ Иванъ Ивановичъ часто горячился, пересыпалъ русскую рѣчь китайскими фразами и проглатывалъ слова. Потомъ-ли, что Чунъ лучше его объяснялся по-русски, или, просто, почувствовавъ къ нему антипатію съ перваго взгляда, Иванъ Ивановичъ всѣми силами своей души возненавидѣлъ его.

— Шибко нехолосый!.. Пу—шанго! Нехолосый манза есть!— качая головой, говорилъ онъ русскимъ.

— Хунхузъ?—смѣялись въ штабѣ.

— Хунхузъ нѣтъ... Нехолосый, шибко нехолосый манза есть!— твердилъ онъ. Но ему, разумѣется, не вѣрили.

— Это ты, Иванъ Ивановичъ, изъ зависти плетешь про него всякій вздоръ! Конкуренціи опасаться!—со смѣхомъ говорили ему. Онъ сердито взглядывалъ на говорившаго и, задумчиво покачивая головой, уходилъ прочь. Открыто своей вражды онъ не проявлялъ ничѣмъ, но не сводилъ горящихъ ненавистью глазъ съ Чуна и зорко слѣдилъ за нимъ.

А Чунъ, словно не замѣчая его взглядовъ, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и совершенно его игнорировалъ. И это равнодушіе приводило кроткаго Ивана Ивановича въ дикое бѣшенство.

Однажды, черезъ мѣсяцъ послѣ появленія Чуна, Иванъ Ивановичъ съ таинственнымъ видомъ подошелъ къ большой, просторной фанзѣ, которую занималъ начальникъ дивизіи, и заглянулъ въ окно. Въ китайской деревушкѣ, гдѣ въ то время помѣщался штабъ, всѣ уже давно спали, но въ окнѣ генерала свѣтился огонь. Не обращая вниманія на грозный окрикъ часового, Иванъ Ивановичъ проскользнулъ въ двери фанзы и остановился, прислушиваясь и зорко оглядываясь по сторонамъ.

— Стой! Что надо?—угрожающе двинулся къ нему часовой.

— Моя нужно большой капитана... Моя секлетъ есть...—зашепталъ и зашепталъ переводчикъ. Часовой пытался отгѣснить его отъ фанзы, но въ дверяхъ ея показалась фигура офицера, адъютанта генерала.

— Кто тамъ? Это ты, Иванъ Ивановичъ? Что случилось?—спросилъ онъ.

— Моя нада большой капитана... Большой секлетъ есть!..—повторилъ китаецъ.

Адъютантъ исчезъ за дверью и скоро появился снова.

— Ну, входи!—сказалъ онъ:—да смотри, если по пустякамъ безпокоишь генерала,—онъ тебѣ задастъ! Тогда прощай твоя медаль!

Иванъ Ивановичъ молча послѣдовалъ за нимъ. Высокій, молодежавый генералъ съ суровымъ, опушеннымъ рыжеватыми бакенбардами, лицомъ сидѣлъ за простымъ некрашенымъ столомъ, на которомъ была разложена карта, освѣщенная двумя стоявшими по краямъ ея свѣчами въ высокиихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. Генералъ, повидимому, не собирался еще спать, походная кровать была не приготовлена, на столѣ около карты стоялъ стаканъ съ жидкимъ чаемъ, а на канахъ были разложены бумаги, которыя онъ просматривалъ. Услышавъ шаги входящаго переводчика, генералъ повернулся къ нему и вопросительно взглянулъ на него своими холодными, голубыми глазами. Тогда Иванъ Ивановичъ быстро заговорилъ, по обыкновенію пересыпая свою рѣчь

китайскими фразами, глотая слова и отчаянно жестикулируя. Изъ его горячей тирады, длившейся добрыхъ четверть часа, генераль съ трудомъ могъ понять, что Иванъ Ивановичъ обвиняетъ Чуна въ сношеніяхъ съ непріятельскими шпіонами и предлагаетъ поймать его на мѣстѣ преступленія именно сейчасъ; что онъ съ первыхъ дней его службы подозрѣвалъ его, но лишь недавно убѣдился въ его измѣнѣ,— прослѣдивъ его, и теперь представляется возможнымъ поймать его съ поличнымъ.

— Моя—пелеводчикъ, Чунъ есть японски шпіонъ!—ударяя себя въ грудь, закончилъ онъ свою рѣчь.

— Какъ же ты его собираешься поймать?—недовѣрчиво смотря на него, спросилъ генераль.

— Моя бери солдатъ, ходи фанза. Недалеко есть... Японски приходи, Чунъ приходи... Солдата лови—лови ихъ...—пояснилъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ такъ исторія! Капитанъ, прикажите сотнику Ченыкаеву взять десятокъ казаковъ. Разумѣется, они пойдутъ пѣшкомъ. Ихъ поведетъ переводчикъ ловить шпіоновъ...—обратился генераль къ адъютанту.

— Слушаю, ваше превосходительство!

Адъютантъ вышелъ, но Иванъ Ивановичъ продолжалъ стоять у порога, переминаясь съ ноги на ногу. Онъ, повидимому, хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ рѣшиться.

— Что тамъ еще?—взглянулъ на него генераль.

— Моя лови—лови шпіонъ, твоя моя медаль давай будетъ?—тихо спросилъ китаецъ.

— Будетъ тебѣ медаль, будь спокоенъ...—добродушно усмѣхнулся генераль и склонилъ голову надъ картой. Иванъ Ивановичъ низко поклонился и вышелъ. Къ фанзѣ уже подходили темныя фигуры казаковъ, впереди шелъ адъютантъ съ низенькимъ, плотнымъ казачимъ офицеромъ и на ходу объяснялъ ему, что отъ него требовалось.

— Моя лови—лови шпіонъ, большой капитана моя медаль давай!—шепнулъ адъютанту торжествующій Иванъ Ивановичъ и зашагалъ во главѣ маленькаго отряда рядомъ съ сотникомъ. Миновавъ рядъ темныхъ фанзъ, отрядъ вышелъ изъ деревушки и пошелъ по сжатому полю чумизы. На небѣ не было ни звѣздочки, въ темнотѣ манчжурской ночи нельзя было ничего рассмотретьъ въ двухъ шагахъ, казаки по временамъ спотыкались, звякая оружіемъ и чертыхаясь, но Иванъ Ивановичъ увѣренно шагалъ впереди, словно его глаза обладали кошачьей способностью видѣть въ темнотѣ. Онъ сердито шикалъ на казаковъ, когда въ ночной тишинѣ звякали ножны ихъ шашекъ и тихо шепталъ сотнику:—Близко фанза есть... Пустой фанза... Моя ходи смотри, твоя жди...

Наконецъ, онъ сдѣлалъ знакъ остановиться и, вытянувъ шею, сталъ всматриваться въ темноту. Сотникъ еле могъ различить темную массу фанзы, одиноко стоявшей довольно далеко отъ деревушки, и вспомнилъ, что эту фанзу онъ видѣлъ наканунѣ, возвращаясь съ развѣдки. Она была давно покинута своими хозяевами, бѣжавшими отъ ужасовъ войны, но осталась въ цѣлости, и только два узкихъ оконца ея не были закрыты ни стекломъ, ни промасленной бумагой, которой обычно заклеивались окна бѣдныхъ поселянъ. Казаки прилегли къ землѣ и затаили дыханіе, сотникъ привсталъ на одно колѣно, а Иванъ Ивановичъ поползъ къ фанзѣ и исчезъ въ темнотѣ. Съ замирающимъ

отъ волненія сердцемъ сотникъ, сжимая въ рукѣ рукоятъ револьвера, всматривался въ неясныя очертанія фанзы, и ему показалось, что въ ея окнахъ виденъ слабый, желтоватый свѣтъ.

— Смотри, ребята, живьемъ бери, ни рубить, ни стрѣлять не смѣй!—шепнулъ онъ казакамъ. Напряженное ожиданіе будоражило воображеніе, въ темнотѣ вокругъ задвигались какія-то неясныя, темныя фигуры и сотникъ еле сдерживалъ въ себѣ потребность вскочить, двигаться, ощутить явную опасность, менѣе страшную, чѣмъ скрытая въ ночной темнотѣ. У него мелькнула даже мысль, что переводчикъ—измѣнникъ и завлекъ нарочно маленькій отрядъ дальше отъ своихъ, но изъ темноты вынырнула фигура Ивана Ивановича.

— Моя видаль фанза японски... Потомъ моя видаль—приходи Чунь... Твоя лови—лови надо,—зашепталъ онъ, наклоняясь къ сотнику. Казаки, стараясь не звенѣть оружіемъ, двинулись за переводчикомъ къ фанзѣ и окружили ее.

Сотникъ нащупалъ дверь, распахнулъ ее и вошелъ, а за нимъ послѣдовалъ переводчикъ и казаки. Въ слабомъ свѣтѣ сальной свѣчи, стоявшей на канахъ, къ окнамъ метнулись фигуры двухъ китайцевъ и по стѣнамъ закачались ихъ уродливыя тѣни. Видя, что отступленіе отрѣзано, они полными дикаго ужаса глазами смотрѣли на казаковъ. Одинъ изъ нихъ былъ молодой небольшого роста китаецъ съ лишеннымъ растительности, лоснящимся отъ жира лицомъ, другой былъ Чунь. Иванъ Ивановичъ бросился впередъ, схватилъ незнакомаго китайца за косу, дернулъ—и коса вмѣстѣ съ круглой шапочкой полетѣла на полъ.

— Бери ихъ, ребята!—скомандовалъ сотникъ.

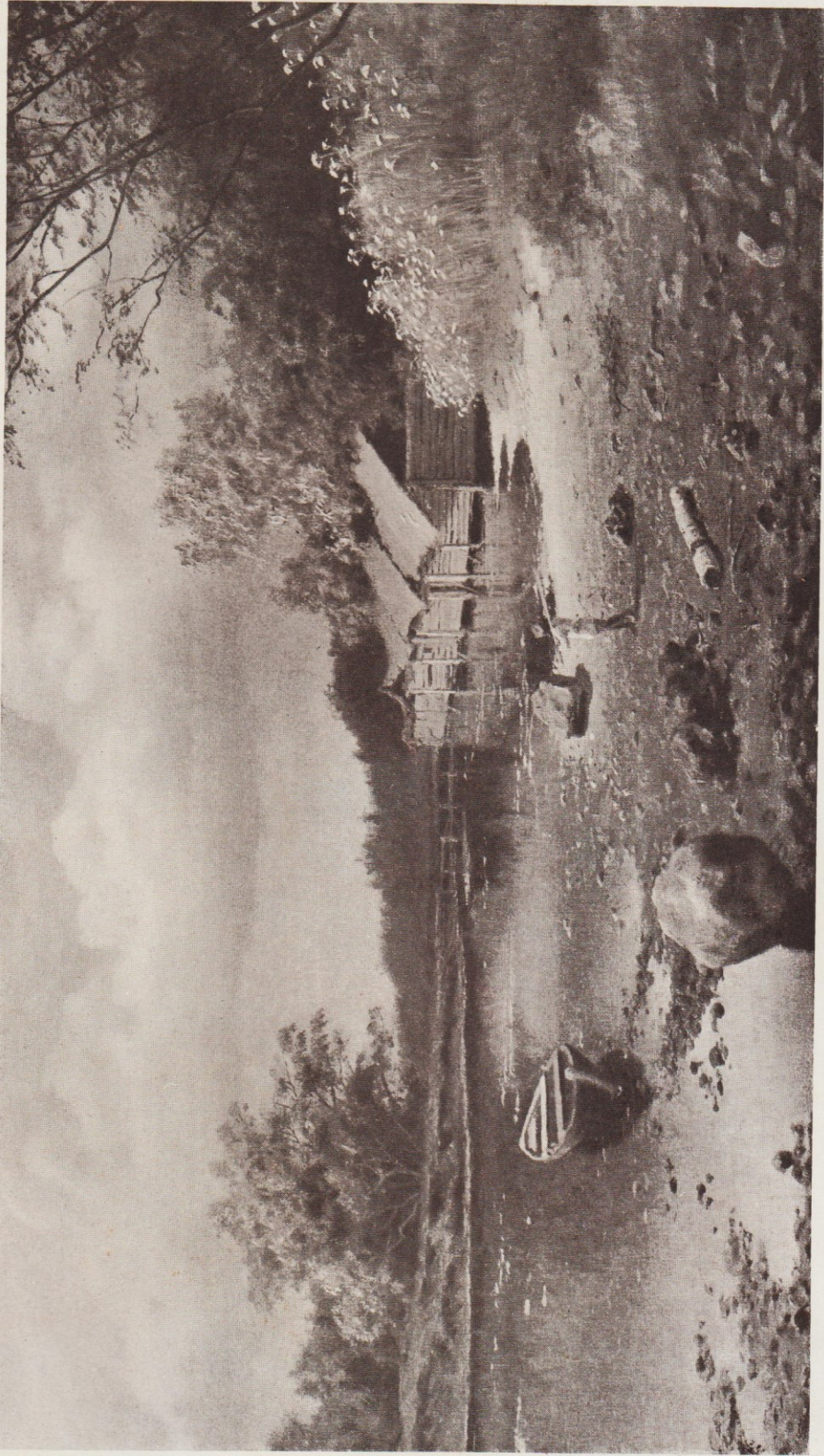
Неожиданно лишившійся косы, китаецъ выхватилъ изъ-за пазухи ножъ и смахнулъ быстрымъ движеніемъ съ канъ свѣчу. Фанза погрузилась въ темноту. Сотникъ растерянно стоялъ съ револьверомъ въ рукѣ, а вокругъ него въ темнотѣ слышался шумъ отчаянной борьбы, яростное пыхтѣнье, топотъ ногъ, проклятія казаковъ и крики боли. Еле не сбитый съ ногъ, онъ бросилъ бесполезный револьверъ и, окончательно оправившись отъ неожиданности, вытащилъ изъ кармана коробку спичекъ.

— Огня! Здѣсь онъ! Руку укусилъ, проклятый! Ахъ, ты, дьяволъ! Врешь, не уйдешь!—слышались восклицанія казаковъ. Чиркнувъ спичкой, сотникъ увидѣлъ, какъ два казака боролись съ отчаянно вырывавшимся изъ ихъ рукъ шпиономъ, Иванъ Ивановичъ ползалъ по полу, хватая шпиона за ноги, а остальные казаки безтолково вертѣлись вокругъ нихъ, хватая другъ друга. У стѣны неподвижно стоялъ Чунь и прислушивался къ шуму борьбы, съ безстрастіемъ фаталиста, ожидая своей участи.

— Здѣсь свѣчка, ваше благородіе!—сказалъ, поднимаясь съ сконфуженнымъ видомъ, сбитый борющимися на полъ казакъ. Чиркая спичками, сотникъ зажегъ свѣчу, но борьба была кончена. Понявшій бесполезность сопротивленія, шпионъ далъ себя связать, злобно поглядывая на казаковъ...

— Моя умилай, капитана!—услышалъ сотникъ слабый голосъ переводчика, продолжавшаго лежать на полу, и со свѣчей наклонился къ нему. Вся грудь Ивана Ивановича была залита кровью, стекавшей съ его синей курмы на полъ, рядомъ валялся окровавленный ножъ.

— Моя лови его, онъ меня бей...—продолжалъ жалобнымъ тономъ раненый,—моя падай, хватай его ноги...

Шредерг.

ПЕСЧАНЫЙ БЕРЕГЪ.

— Ежели-бы не онъ, этотъ удраль-бы, ваше благородіе,—вмѣшался одинъ изъ казаковъ!—здоровый чортъ, даромъ, что маленькій. Въ темнотѣ его-бы и не взять, да Иванъ Ивановичъ подсобилъ...

Сотникъ приказалъ перенести осторожно раненаго на каны.

— Твоя ищи его... Бумага мало-мало есть...—снова заговорилъ Иванъ Ивановичъ.

— И то правда, ребята!—спохватился сотникъ:—общите ихъ, а то выронять гдѣ-нибудь нужныя бумаги, потомъ—пиши пропало! Хитрый народецъ!

Казаки принялись обшаривать шпіоновъ. У Чуна не нашли ничего, зато въ складкахъ японца оказались на-спѣхъ сдѣланные чертежи и другія бумаги.

— Моя умилай, капитана!—проговорилъ Иванъ Ивановичъ,—моя надо глобъ клади!

— Поживешь еще, насъ переживешь!—пробовалъ пошутить сотникъ, понимавшій, что рана смертельна.

— Моя знай—моя умилай!—упрямо повторялъ раненый.

— Ну, если умрешь,—хорошій гробъ сдѣлаемъ. Самый лучший!—утѣшали его казаки.

— Холосо!—счастливо улынулся умирающій:—а Чунъ кантлами будетъ?

— Непремѣнно! Безъ разговоровъ—завтра же голову долой!—сказалъ сотникъ.

Иванъ Ивановичъ съ облегченіемъ вздохнулъ и закрылъ глаза.

Н. А. Карповъ.

Ожиданіе.

Жду разсвѣта съ тайнымъ трепетомъ,
Жду разлива вѣшнихъ водъ,
Новыхъ птицъ съ ихъ но-вымъ лепетомъ,
Съ новымъ бременемъ заботъ.

Дни кончаются туманные,
И безрадостные дни,
Гдѣ-то яркіе, желанные
Загораются огни.

Скоро грянутъ пѣсни вольныя;
Заалбютъ небеса—
И проснутся темнотвольные,
Заповѣдныя лѣса;

Встанетъ солнце семицвѣтное,
Разгорится знойный день,
Всколыхнется все завѣтное
Городовъ и деревень.

Будетъ брошень мечъ заржавленный,
Смѣнитъ смѣхъ забытый плачь,
И погине ъ, обезславленный,
Вольной вольности палачъ.

Я. Тисленко.

Благодатная ложь.

Разсказъ Кармень.

I.

— Фатма!—раздался подь окномъ знакомый голось.

Зина, писавшая письмо жениху, притаилась, какъ птица, почуявшая охотника.

— Фатма!

Зина притаилась больше.

Скрипнулъ гравій, и послышался шумъ удаляющихся шаговъ.

Зина выждала, метнулась къ окну и слегка раздвинула занавѣски. На фонѣ грузныхъ темно-зеленыхъ елей и березъ мелькала спина Борисова; онъ шелъ вдоль краснаго частокола узенькимъ переулкомъ. Онъ былъ въ обычномъ нарядѣ не то итальянскаго берсальера, не то художника съ Монмартра. Вотъ онъ кому-то поклонился, взмахнувъ широченнѣйшей шляпой, и пропалъ за поворотомъ.

Зина вздохнула. Хорошо, очень хорошо, что не откликнулась. Довольно встрѣчаться. Три раза видится она съ нимъ и совершенно подпала подь его власть. Станный онъ и не похожъ на многихъ. Въ немъ что-то бродяжническое. Всю жизнь бродяжить, равнодушень къ богатству... «Можно жить, увѣряетъ онъ, безъ всякихъ накопленій, по-королевски. Я, лично, живу, какъ король»... И это не рисовка. У него поразительная способность къ воспріятію и сильное воображеніе, превращающее все повседневное въ огромное, красивое. Все видимое и переживаемое расцвѣчивается въ его воображеніи гирляндами и радугами. Несомнѣнно, онъ король. Ахъ, если-бы ей частицу его воображенія!.. Не мирится съ обыденщиной... «Зина. И кто надѣлилъ васъ такимъ именемъ? Фатма! Затворница Фатма! У васъ превосходные черные волосы и строгое холодное лицо. И этотъ зеленый шарфъ на головѣ такъ похожъ на тюрбанъ. Вы-бы перевили его жемчугомъ»...

Зина спохватилась: «Что-же это? Рѣшила не думать о немъ...».

Она сѣла вновь за неоконченное письмо жениху. Было желаніе подробно описать свой день, поѣздку на Аландскіе острова, утѣшить, ободрить,—бѣдный Рома, въ эту пору восемнадцать часовъ въ сутки надъ книгами, — покаяться въ легкомъ увлеченіи, вознаграждать

его за подвижничество большимъ теплымъ письмомъ, но мысль, по-
дразнивая и смѣясь, упорно бѣжала въ сторону. Не писалось: что-то
подымало съ мѣста и гнало вонь на улицу.

Зина поерзала-поерзала перомъ по пропускной бумагѣ и ограничи-
лась пустой короткой припиской:—«Прости, что на этотъ разъ мало.
Твоя Зинка». Она послѣ подскочила къ зеркалу, наскоро поправила
прическу и натянула новую батистовую блузку. Подъ тонкимъ бати-
стомъ ясно обозначились круглыя розовыя руки, часть плеча и груди.

Зина, какъ ни торопилась, съ улыбкой оглядывала себя въ зер-
калѣ. Но вдругъ ей стыдно стало. Она сорвала прозрачную блузку и
замѣнила ее другой, плотной. И теперь изъ зеркала глядѣло на нее
обычное, строгое лицо одалиски со свисшей на лобъ черной косой
прядью.

Она повязала голову шарфомъ, перекинула черезъ руку накидку
и вышла изъ дому.

II.

У калитки она остановилась.

— «Идти на пляжъ или на станцію», и двинулась къ пляжу.

Быль одиннадцатый часъ, но надъ пляжемъ было свѣтло, какъ
днемъ. Бѣлая ночь накрыла собой весь заливъ, и въ перламутровомъ
свѣтѣ ея съ розоватымъ оттѣнкомъ выпирали кабинки, шлюпки, па-
утина мостковъ и, врѣзанные въ водную гладь, голыши. Народу
было мало—пять, шесть группъ; пылалъ небольшой костерокъ, зажжен-
ный двумя гимназистами.

На мосткахъ было пусто, лишь на одномъ, въ концѣ, чернѣла
фигура. «Такъ и есть—Борисовъ; онъ всегда здѣсь вечерами любитъ
заливомъ».

Она хотѣла повернуть, но ноги приросли къ песку. А Борисовъ
уже замѣтилъ ее и спѣшилъ къ ней по скрипящимъ, сильно гнущимся
мосткамъ, дружелюбно помахивая шляпой.

— А я заходилъ за вами!—крикнулъ онъ, подходя.—Зваль васъ,
зваль подъ окномъ!

— Я знаю,—и Зина покраснѣла.

— Да? Вы были дома? Отчего-же не откликнулись?

— Такъ.

Онъ пристально поглядѣлъ на нее. Она отвернула голову и тихо
промолвила:

— Я тороплюсь, до-свиданія.

— Такъ скоро... Полноте, погуляемъ...

Она подумала и уступила.

Они пошли вдоль закрытыхъ кабинокъ, развернувшихся длинной
пестрой лентой близко отъ воды. Ноги ихъ глубоко увязали въ осту-
женный песокъ.

Онъ говорилъ, какъ всегда, много и о разномъ—о новой книгѣ
Гамсуна, Шавизо, перелетѣвшемъ Альпы, какомъ-то Мюнхенскомъ
кабачкѣ, гдѣ собираются художники, дядѣ своемъ, который искренно
считаетъ его бездѣльникомъ,—ну, видано-ли, чтобы мѣсяць не при-
трагиваться къ холсту и кистямъ,—а она слушала его разсѣянно, не
глядя на него. Но вотъ она стала внимательнѣе,—онъ такъ щедро
сыпалъ образами, сравненіями, островами,—и, какъ птица на пре-
дательскую дудочку птицелова, пошла на его рѣчи; она больше не
отводила глазъ и слушала то съ улыбкой, то съ веселымъ смѣхомъ.

Тѣмъ временемъ пляжъ опустѣлъ. Давно разбрелась послѣдняя группа изъ молодцовъ изъ зеленой и горничной въ чепецъ ромашкой. Бѣлая ночь стала глубже, и отчетливѣе выступали кабинки, мостки. Сиротливо горѣлъ придушенный пескомъ костерокъ.

Сорвался холодный вѣтеръ, замутивъ сонный заливъ и напустивъ по всему полю его мелкихъ бѣлыхъ барашковъ. Привязанная къ мосткамъ лодка билась, какъ въ истерикѣ.

Зина, подрагивая подъ жиденькой накидкой, жалась къ Борису. Слѣдовало идти домой, но Зинѣ не хотѣлось. Берегъ пустынный былъ такъ хорошъ, и такъ приятно было слушать Борисова.

— Пойдемте туда,—сказала она, показывая рукой вдаль за крайней кабинкой.—Я вчера видѣла тамъ ямку, и въ ней можно укрыться.

Ямка была небольшой котловинкой, вырытой въ песокъ, и въ ней дѣйствительно было не такъ прохладно. Онъ полулегъ, а она сѣла около.

— Вамъ не холодно?—спросила она.

— Немножко.

Она заботливо прикрыла его уголкомъ накидки и сказала нетерпѣливо и капризно:

— Рассказывайте.

— Что?

— Что хотите... Да ну-же!..

Онъ усмѣхнулся.

Вначалѣ медленно, вяло, потомъ увлекаясь и глядя задумчиво поверхъ песка на свѣтлый горизонтъ, гдѣ закипали темно-бѣлыя волны, онъ беспорядочно рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ, встрѣчахъ, знакомыхъ дѣвушкахъ.

Почему-то вспомнилъ ночь въ Джеддѣ въ досчатомъ карантинномъ баракѣ. Онъ лежитъ на полу. Кругомъ спать, лишь въ смежномъ баракѣ, за тонкимъ простѣнкомъ тихо поетъ армянинъ. Онъ должно быть очень старъ; у него бритое, кирпично-красное лицо, бѣлыя насупленные брови и висячіе бѣлые усы. Ахъ, какъ жалобно поетъ онъ! Плакать хочется. Вырѣзали-ли курды его семью, сынъ-ли томится въ турецкой темницѣ? Безъ конца льется въ тишину ночи рыдающій мотивъ, и кучка мусульманъ, готовящихся ко сну, притихла и съ изумленіемъ прислушивается къ пѣнію гяура...

Вспомнилъ какую то Дашу. Ему было семнадцать лѣтъ, и она часто захаживала къ его роднымъ и не спускала съ него влюбленныхъ глазъ. У нея былъ высокій лобъ съ голубой жилкой и доброе вдумчивое лицо. Она вышила ему гладью шелковую рубашку и писала теплыя письма. Но онъ былъ глупъ и не понималъ всей силы ея любви. Она уѣхала и вышла замужъ. И только спустя много лѣтъ, онъ понялъ, что проворонилъ свое счастье. Однажды поздней ночью въ трескучій морозъ, въ разстегнутомъ пальто онъ бродилъ по пустыннымъ улицамъ родного города, освѣщеннымъ яркими кострами, и въ отчаяніи звалъ: «Даша! Даша!..».

III.

Вѣтеръ все усиливался, и оставаться долѣе въ ямкѣ нельзя было. Зина съ сожалѣніемъ поднялась, и, взявшись подъ руку, они пошли обратно.

Они были одни на берегу. Справа подъ молочно-бѣлымъ небомъ,

густо и черно ошетились елями и соснами, спали дачи. Море вспухло, пожелтѣло, и вѣтеръ съ остервенѣніемъ гналъ къ берегу большія и малыя волны. Гдѣ-то тонко пѣлъ пѣтухъ.

— Поздно какъ,—сказала она съ безпокойствомъ.—Поторопиться-бы.

Она легонько высвободила руку и пошла впередъ.

Поравнялись съ кабинками.

— Я совсѣмъ озябла,—протянула она плаксиво, по-дѣтски, кутаясь въ накидку и обдергивая обдуваемую юбку.

— Зайдемте въ кабинку,—предложилъ онъ.

— Въ кабинку?—удивилась она.—Нѣтъ... зачѣмъ... Мы, вѣдь, скоро дома.

— Мы ненадолго. Согремся только.

— Но тутъ ни одной открытой.

— А вонъ,—онъ указалъ на кривую желтую кабинку. Дверца ея была открыта, и вѣтеръ гулко хлопалъ ею.

Зина замялась, но ненадолго; она вошла въ кабинку, за нею Борисовъ.

Зину сразу обдало тепломъ. Здѣсь они были вполне защищены отъ холода, только прикрыть дверцу.

Борисовъ потянулъ къ себѣ дверцу за треплющуюся мочалистую бечевку. Онъ закрѣпилъ было уже ее за крючекъ, но вѣтеръ злобно рванулъ, и она съ трескомъ отлетѣла. Борисовъ вторично потянулъ ее и долго возился, пока приладилъ.

Стало теплѣе. Усѣлись рядомъ на лавочкѣ. Кабинка была ветхая, но уютная, и свѣтъ, просачиваясь сквозь щели, наполнялъ ее приятнымъ бѣлесымъ полусумракомъ.

Зина быстро согрѣлась и полузакрѣла глаза. Она будто шла долго холодной степью и очутилась въ родномъ домѣ. Она сидѣла, не двигаясь, безъ всякихъ желаній, думъ, вся отдавшись тихому отдыху и покою. А за тонкими досками кабинки рвалъ и металъ вѣтеръ, яростно съ непрерывнымъ гуломъ и плескомъ бились о берегъ волны, стонала и скрипѣла на тонкой бечевкѣ дверца. Въ широкой щели въ углу свѣтилъ влажный желтый огонь маяка; онъ какъ-бы поднимался изъ воды, то появляясь, то исчезая. Иногда вѣтеръ встряхивалъ кабинку, и казалось, что ее смыло и несетъ по морю, и она качается межъ бушующихъ волнъ.

Борисовъ, наклонясь къ самому уху ея, что-то говорилъ, и она безсознательно качала головой. Вдругъ рука его легла ей на плечо, задѣвъ зеленый тюрбанъ. Прическа разбилась. Со звономъ упалъ на полъ тяжелый гребень, за нимъ дробью посыпались остальные. Она нагнулась за гребнемъ, но Борисовъ не далъ ей, крѣпко обнялъ и, притянувъ къ себѣ и убравъ съ лица ея развѣшіеся волосы, сталъ цѣловать.

Зина не противилась, даже не отодвинулась и не отвела руки его, сжимавшей ея талию. Гдѣ-то глубоко въ сознаніи мелькнуло осужденіе, но она была такъ слаба и безвольна; она не въ силахъ была противостоять внезапно нахлынувшей потребности любви. Она какъ-то странно притихла и молча и покорно принимала его ласки. Она забыла, гдѣ находится, и смутно, слабымъ отголоскомъ доходили до ея слуха плескъ и шумъ волнъ.

Вѣтеръ, намѣтаясь, съ удвоенной силой ударилъ въ кабинку. Бечевка лопнула, и дверца вторично отлетѣла съ трескомъ. Великолѣп-

ная картина предстала глазамъ Зины. Въ темной рамѣ на бѣломъ фонѣ ночи звѣремъ метался заливъ. Онъ былъ сейчасъ черенъ, какъ графитъ, и безконечной ратью, косыми, ломанными рядами шли къ берегу курчавые бѣляки. Скрипѣли и трещали на тонкихъ подпоркахъ мостки, а лодку сорвало съ цѣпи и швыряло. Вода залила весь берегъ и съ шипѣніемъ подбиралась къ кабинкѣ. Низко, почти надъ волнами промчалась, крикнувъ, бѣлогрудая Соловецкая чайка. Приятно обдавало острыми брызгами.

Зина сидѣла блѣдная, усталая, глядя огромными глазами на бушующій заливъ. Черные волосы ея падали на грудь, бедра, плечи, а руки безсильно протянулись вдоль колѣнъ. Голова тихо кружилась, и на губахъ теплилась улыбка.

Борисовъ понатужился, притянулъ дверцы и кое-какъ прикрѣпилъ ее. И опять воцарились въ кабинкѣ приятная обезсиливающая теплота и бѣлесый полусумракъ.

— Не пора-ли домой?—робко спросила она.

— Еще минутку...

Въ кабинкѣ свѣтлѣло. Тихо высвободившись изъ его рукъ, Зина выглянула въ щель. Заливъ угомонился, хотя кое-гдѣ кусочками снѣга плавали бѣляки. Было совсѣмъ свѣтло, и на изломахъ волнъ розовѣлъ первый солнечный лучъ. На селѣ вперевивку орали пѣтухи и близко чирикала птичка. Въ послѣдній разъ взметнулся огонь маяка и потухъ.

— Господи! Какъ поздно!—заметалась Зина.

Она стала приводить себя въ порядокъ, и онъ не мѣшалъ ей; самъ даже помогъ собирать гребни.

Оставили кабинку. Поселокъ уже проснулся. Въ концѣ пляжа у воды толкалась кучка маклаковъ; они поджидали баркасъ съ рыбой, который въ ста шагахъ отъ нихъ боролся съ волнами.

Зина надвинула на глаза шарфъ. Лицо у нея было помятое, сонное. Она обогнула кабинки и до самага дома ни словомъ не перекинулась съ Борисовымъ.

У калитки она протянула ему руку, и онъ почтительно поцѣловалъ ее. Она вдругъ нахмурилась и сказала серьезно:

— Мы никогда больше не должны встрѣчаться. Слышите?

Онъ покорно нагнулъ голову.

IV.

Зина спала плохо. Поднявшись, она быстро собрала вещи—бѣлье, платье и стала укладываться.

— Я уѣзжаю въ Казань,—заявила она хозяйкѣ, внесшей кофе.

— Чего вдругъ?—удивилась та.

— Необходимо, и сегодня-же.

— А билетъ у васъ есть? Надо за день, за два записаться, а то, пожалуй, не достанете.

— Ахъ, да!.. Вы правы!..

Хозяйка ушла, а Зина рухнула на стуль. «Скверно, очень скверно, что нельзя сегодня же бѣжать. Но какъ покажется она Ромѣ?.. И какъ это случилось? Не иначе—стосковалась по ласкамъ. Да, да! Четвертый мѣсяць въ разлукѣ. Никогда не слѣдуетъ двумъ любящимъ разставаться на долго... Рома какъ-то говорилъ: «если я узнаю, что кто-нибудь хотя-бы прикоснулся къ тебѣ, я не перенесу...». Какъ же быть? Скрыть отъ него?..»

На минуту всплыла желтая кабинка, но она въ страхѣ отмахнулась. «Несомнѣнно, гадкая она, порочная»...

Среди неубранныхъ вещей на столикѣ лежала фотографическая карточка Ромы; онъ снимался недавно передъ экзаменами въ косовороткѣ и студенческой фуражкѣ. «Знакомыя родныя черты. Добрый, безхитростный. И какъ любить ее! Но сколько въ немъ скорби и озабоченности. Что-то всегда гнететь его, давить. И такой рабскій страхъ у него передъ жизнью...». Предстало будущее. «Ой, тоскливо! Приемная съ дешевымъ ковромъ и пальмой, пациенты, коллеги врачи—одинъ по внутреннимъ, другой по глазнымъ, третій по горловымъ... День строго размѣренъ и безъ всякаго уклона въ сторону. Иногда театр, или ученый докладъ въ медицинскомъ обществѣ, винтъ... И вдругъ ей стало страшно. Что, если она не любить его и никогда не любила? Нѣтъ, не можетъ и не должно быть! Она любить его, любить!..

Опять всплыла желтая кабинка, и опять хотѣла отмахнуться она, но не удалось. Настойчиво, какъ нѣчто яркое, свѣтлое, вошла она въ ея сознание, наполнивъ трепетнымъ весельемъ и радостью всю ея душу, и въ мельчайшихъ подробностяхъ ожила вчерашняя ночь—бѣлесый полусумракъ кабинки, уютъ, полыхающій въ щели надъ заливомъ разсвѣтъ, огонь маяка, крикъ чайки; въ ушахъ живо стоялъ ровный, баюкающій гулъ волнъ, свистъ и завываніе вѣтра; она обоняла запахъ воды и ощущала на лицѣ и шеѣ его горячія губы. Онъ называлъ ее Фатмой, «ты» и говорилъ о какой-то постоянной тоскѣ въ ея глазахъ. Онъ правъ, ее гложетъ тоска. Не потому-ли, что она недостаточно любить Рому? Говорилъ еще о ея голосѣ; ему нравится ея тихій, ровный голосъ. Но онъ-то? Какое ясное, беззаботное лицо! Вотъ кто не рабъ жизни, не страшится ея и видитъ одно свѣтлое. Онъ легко переходитъ отъ увлеченія къ увлеченію... Мотылекъ...

Въ полдень веселой гурьбой пришли сестры Зернсенъ звать ее купаться, но она не вышла къ нимъ. Она весь день пряталась отъ всѣхъ въ духотѣ, томясь и казня себя. А за стѣной курортъ жилъ обычной пестрой жизнью. Ярко свѣтило горячее солнце, сосны и ели, пронизанные золотомъ, разливали смолистый ароматъ, со звонкимъ смѣхомъ и веселымъ говоромъ вереницами текли къ пляжу толпы мужчинъ, дамъ и дѣтей; игралъ подъ окнами попеременно шарманщикъ, бродячій оркестръ, болгаринъ на скрипочкѣ, съ обезьянкой. Толклись ягодники, зеленчики, ласковые итальянцы со своимъ бомарше.

Лишь позднимъ вечеромъ, когда затихъ шумъ, отважилась она выйти подышать свѣжимъ воздухомъ; она пробиралась задами, избѣгая людей и больше всѣхъ Борисова.

Отъ отъѣзда она отказалась. Что скажетъ Рома? Давно-ли писала она, что пробудетъ здѣсь до августа. Да и зачѣмъ такое малодушіе? Она поживетъ еще съ полмѣсяца и потихоньку соберется.

Слѣдующій день она провела такъ-же. Понемногу успокоилась, перестала таиться и возобновила прогулки, купанья, и въ видѣ искупленія почти ежедневно писала Ромѣ письма, выказывая необычайное вниманіе и заботливость, но о происшедшемъ—ни слова.

Борисова она не встрѣчала. Не потому-ли, что обходила пляжъ и станцію и старалась не думать о немъ?

Разъ только въ переулкѣ столкнулись они. Она нисколько не смутилась и спокойно протянула ему руку.

— Отчего васъ нигдѣ не видать?—спросилъ онъ.—Вы такъ рѣдко гуляете. Вы избѣгаете меня?

— Я, вѣдь, говорила, что намъ не слѣдуетъ больше встрѣчаться.
— Но почему?—искренно удивился онъ.—Вы, я слышала, уѣзжаете?

— Да.

— Простите, я задерживаю васъ.

— Н-нѣтъ!—смѣшалась она.

— Въ такомъ случаѣ, пройдемся и поболтаемъ.

— Можно.

— О, она теперь вполнѣ ручалась за себя.

Вышли на берегъ и усѣлись на скамью позади кабинокъ. Бѣлыя ночи шли на убыль, и мостки и кабинки утратили свою четкость; они стали тусклыми, расплывчатыми. Зеленъ надъ головой на треть пожелтѣла, и изрѣдка отдѣлялся и, лѣниво перевернувшись въ воздухъ, ложился у ногъ желтый березовый листъ. Море обмелѣло и чуть слышно поплескивало. И во всемъ чувствовалось умирание и увяданіе.

— Отчего вы избѣгаете меня?—спросилъ онъ.

Тихо, безъ утайки рассказала она ему о своихъ терзаніяхъ. Борисовъ слушалъ ее молча, и все время въ глазахъ у него свѣтилась нѣжность. Любви у него къ ней не было,—было легкое увлеченіе и прошло,—но онъ глубоко жалѣлъ ее, какъ родную сестру; это онъ внесъ сумбуръ въ ея ясную, нетронутую душу.

— Мнѣ все кажется,—прибавила она, глядя вбокъ,—что я не люблю его.

Борисовъ вздрогнулъ; этого онъ совсѣмъ не желалъ.

— Что вы?—пробормоталъ онъ.

— Что я надѣлала! Что я надѣлала!—пролепетала она, закрывъ лицо руками.—Никогда не прощу я себѣ этой измѣны.

— Никакой измѣны у васъ не было,—сказалъ онъ горячо.

Она вскинула на него изумленные глаза.

— Да, да!—заговорилъ онъ горячѣе.—Есть сила, лежащая внѣ насъ и распоряжающаяся нами. Вы ничуть не виноваты, виновато сѣщеніе обстоятельствъ—тоска, бѣлая ночь, море...

— Я тоже такъ думала; я просто стосковалась по ласкамъ... Все-же это измѣна. Но какъ быть? Я должна открыться ему, я не могу лгать и боюсь... Рома не перенесетъ...

— Не открывайтесь, не надо!

— Выходить лгать?... Вы одобряете ложь?

— Гм... Иногда... И что пользы, если вы откроетесь? Даже самый близкій не оцѣнитъ вашего благородства. Такой пустякъ, какъ поцѣлуй, поставятъ вамъ въ огромную вину, создадутъ изъ него на всю жизнь трагедію и будутъ травить васъ за обѣдомъ, ужиномъ, днемъ, ночью. Васъ изведутъ подозрительностью, и муками заплатите вы за крупицу радости... Мой совѣтъ—не отдавайте себя на растерзаніе... Скажите по душѣ, считаете-ли вы то, что сдѣлали, сквернымъ?

Она подумала и твердо отвѣтила:

— Нѣтъ.

— И не жалѣете о случившемся?

— Нѣтъ, нѣтъ!—и она ласково поглядѣла на него.

— И прекрасно. Никакимъ осадкомъ не должна лечь на васъ та ночь. Вы остаетесь чистой, какъ были. Завтра вы забудете меня, я—васъ, мы станемъ чужими другъ другу. На одинъ только вечеръ связала насъ одна и та же жажда ласкъ. Мы никому не скажемъ объ этомъ и глубоко въ душѣ схоронимъ эту тайну...

Карменъ.

МАЗУРКА.

Музыка Гастона Лемэра.

Tempo di mazurka

PIANO

FIN

ben chanté,
marcato, mf

rit.

U.C.

ГЕНРИХЪ СЕНКЕВИЧЪ.

Знаменитый польскій писатель.

Къ избранію почетнымъ академикомъ
русской академіи.

Россія и Польша.

Очеркъ Н. Дмитриева.

И русская, и польская литературы—объ проявление одного и того же славянскаго генія.

Польша ранѣ Россіи приобщилась къ источникамъ западной культуры. По образцамъ Запада начинала свою жизнь польская литература, оторванная отъ народа; то же подражательное начало, безъ своего лика, безъ индивидуальныхъ чертъ, было и у насъ на зарѣ русской литературы. Освобожденіе отъ чуждыхъ путей и зависимости въ литературѣ застало ее въ періодъ закрѣпленія государственной мощи Россіи. Новоявленная красота русской литературы, значеніе новой силы,—выразительницы общественнаго мнѣнія, провозвѣстницы новыхъ началъ,—было понято только немногими. Литература являлась еще не самодовлѣющей цѣнностью, но красивымъ придаткомъ. Ея расцвѣтъ не встрѣтилъ ни одобренія, ни поддержки со стороны государства.

При иныхъ условіяхъ развивалась литература Польши. Расцвѣтъ ея національнаго генія совпалъ съ полнымъ ослабленіемъ государственныхъ началъ, съ утратой политической самостоятельности. Польша пала. Живое ея тѣло было исполосовано на куски, но духъ страны остался жить. Чаянія, вѣра польскаго общества нашли единственное отраженіе въ литературѣ, осознавшей себя голосомъ польскаго общества, хранительницей бывшихъ традицій, носительницей идеаловъ освобожденія. Оторванная, отчужденная, развивавшаяся въ иныхъ условіяхъ,—не въ тѣхъ, въ которыхъ жилъ польскій народъ—она идетъ къ нему и отъ него черпаетъ силы, становится національной. Образъ Польши страдальцы, Польши униженной, бѣдной, но живой и ждущей часа своего воскрешенія, является близкимъ, манящимъ и зовущимъ образомъ. Ея свобода, ея возстановленіе—вотъ тотъ идеалъ, за осуществленіе котораго готовы бороться и Мицкевичъ, и Словацкій, и Красинскій. На берегахъ чужбины дальней, слагался гимнъ родинѣ, слагалась пѣснь утѣшенія народу, и рыдала польская муза въ полномъ смыслѣ «муза мести и печали». Вставалъ «озлобленный поэтъ».

Утрата политической самостоятельности, раздѣлъ живого тѣла государства не угашаетъ народный духъ. Какъ душа умершаго, по народному преданію, витаетъ надъ покинутымъ тѣломъ и не можетъ утѣшиться, такъ и оскорбленная, униженная, убитая горемъ душа народа. Тысячи лѣтъ прошло, какъ палъ Сіонъ, но духовныя нити, связующія Израиль съ нимъ, остались и живы. Въ скорбномъ псалмѣ—«на рѣкахъ Вавилонскихъ»—все еще свѣтится живая душа Израиля, стенающая и плачущая, исходящая отъ мукъ и слезъ. И для современнаго еврейства Сіонъ не символъ, не отвлечение, а золотой сонъ, который снится наяву. Такіе золотые сны снились еще недавно и грекамъ, и болгарамъ, и сербамъ; еще недавно они на Коссовомъ полѣ пережили наяву золотой сонъ, претворенный въ долгожданную явь. Вдохновенный пѣвецъ Польши, Мицкевичъ измывался отъ скорби, оплакивая отчизну, зная лишь одной думы власть, одну, но пламенную страсть: вѣру, что «сгинетъ слѣдъ предубѣжденій, тмящихъ свѣтъ», и взойдетъ «тогда заря освобожденія» и вслѣдъ за нею «солнце избавленья».

Польская литература пользовалась неизмѣннымъ вниманіемъ русскаго общества. Переводы съ польскаго у насъ всегда не были рѣдкостью. Пушкинъ открылъ намъ Мицкевича. Русскіе поэты, по примѣру Пушкина, переводили усиленно и Красинскаго, и Словацкаго, Сырокомлю, Асныка, Копопницкую и другихъ. Польскіе романисты Сенкевичъ, Ожешкова, Крашевскій, Болеславъ Пруссъ, Юноша, не говоря о новѣйшихъ, нашли въ Россіи милліоны читателей. Ихъ имена и произведенія знакомы русской читательской массѣ. Польское общество, знакомое съ официальной Россіей, долго было очень мало знакомо съ Россіей народной, съ ея цѣнностями, отраженными въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ. Холодность и отчужденіе наблюдались здѣсь. И онѣ были живучи до тѣхъ поръ, пока русскій народъ казался польскому обществу загадочнымъ сфинксомъ, пока за официальной Россіей не выявился истинный ликъ русскаго народа, новая пробуждающаяся Россія. Съ началомъ этого недавняго пробужденія начинается замѣтный интересъ польскаго общества къ Россіи, потребность заглянуть прямо въ глаза молчаливому сфинксу русской души.

Война сняла повязки съ глазъ, обнажила тайны.

Тяжесть нѣмецкаго засилья Польша познала давно. Подъ Грюнвальдомъ русскіе и польскіе полки грудь съ грудью бились противъ нѣмецкихъ меченосцевъ. Бытописатель старой Польши, ея восторженный пѣвецъ, тотъ же Сенкевичъ, далъ рядъ ярко-красочныхъ картинъ этой героической эпопеи. Подъ перомъ современ-

наго писателя всё эти картины былого проникнуты одним духомъ: страстной ненавистью къ порабителѣмъ. Но тотъ же Сенкевичъ въ своемъ современномъ разсказѣ, иллюстрирующемъ положеніе польско-германскихъ отношеній въ франко-прусскую войну, устами умнаго старика задаетъ вопросъ: «Да, нѣмцамъ посчастливилось въ этой страшной войнѣ,—они побѣдили, а мы (познанскіе поляки) имъ помогали. Но какая польза намъ будетъ отъ этого?»

Бартекъ Сенкевича оказался побѣдителемъ, таскавшимъ голыми руками горячіе каштаны для нѣмцевъ. Онъ жегъ деревни, насилывалъ, грабилъ, не давалъ никому пощады и дѣйствовалъ «героически»; отличенный всякими наградами, онъ, однако, не встрѣтилъ благословенія своимъ подвигамъ дома, въ родной деревнѣ. «Да покараетъ тебя Богъ! ты самъ язычникъ, дуракъ, коли вмѣстѣ съ нѣмцами убиваешь католическій народъ!»—такъ писала изъ деревни жена Бартека. Карауля «враговъ» поляковъ, приговоренныхъ нѣмцами къ разстрѣлу за участіе во французскихъ рядахъ, Бартекъ услышалъ, что французы пришли бить нѣмцевъ, чтобы «познанскимъ полякамъ было лучше».

Бартекъ — слѣпое орудіе, — самъ не сознавая, бить французовъ, чтобы нѣмцамъ жилось лучше. И онъ почувствовалъ это лишь тогда, когда самъ испыталъ, что его, испытаннаго вояку, увѣнчаннаго нѣмецкими крестами и медалями, тотъ же нѣмецъ можетъ и бить въ морду, и ругать «польской свиньей», «польскимъ хамомъ». Только тогда Бартекъ догадался, что Познань—исконная польская земля—стала нѣмецкой, и побѣды Бартековъ и имъ подобныхъ пошли на пользу тѣмъ же нѣмцамъ... Ярko-колоритный разсказъ Сенкевича полонъ современной живости и экспрессіи, ибо въ Познани ничего не перемѣнилось, и опять теперь, какъ тогда, сорокъ лѣтъ слишкомъ назадъ, познанскіе темные Бартеки должны бить своихъ, во имя торжества германизма. Но какъ тогда, такъ и теперь, не благословеніе, а скрытыя проклятія сопутствуютъ изъ Познани «побѣдоноснымъ» германскимъ войскамъ. Побѣда ихъ для Польши—одно горе; это уже смекаютъ и недалновидные, темные Бартеки.

Разсказъ Сенкевича въ свое время имѣлъ огромный успѣхъ, хотя Сенкевичъ никогда не былъ представителемъ крайнихъ теченій. Онъ былъ и остался только пламеннымъ патріотомъ и художникомъ. Патріотизмъ иногда, какъ, напр., въ романѣ «Огнемъ и мечемъ», беретъ верхъ надъ художникомъ; чувство такта и художественной мѣры измѣняетъ писателю при изображеніи положительныхъ героевъ прошлаго, являющихся не людьми, а добродѣтельными тѣнями, сверхгероями, которымъ все возможно. Но не этими отклоненіями, не этими промахами Сенкевичъ получилъ извѣстность первостепеннаго писателя, сталъ гордостью польской литературы... Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ изъ современной жизни Сенкевичъ является тонкимъ психологомъ польскаго общества отъ его верховъ до низовъ, мастеромъ анализа «усталой» интеллигентской души въ ея бореньяхъ съ сомнѣніями и противорѣчіями... Въ великолѣпной картинѣ античнаго Рима («Камо грядеши?») Сенкевичъ какъ-бы самъ отдыхаетъ отъ этихъ бореній («Безъ догмата», «Семья Полонезскихъ») и, съ чисто художественнымъ проникновеніемъ въ глубь старины, воссоздаетъ и римскую пеструю толпу, и историческіе, сотканные изъ крови, плоти и духа, образы.

Но за Сенкевичемъ-романистомъ, за огромными полотнами его историческихъ эпопей, стоятъ въ своей красотѣ и нѣжной прелести его новеллы. Въ нихъ впервые проявился талантъ писателя и отъ нихъ до сихъ поръ вѣетъ поэзіей и силой. Таковъ его «Янко-музыкантъ», «Бартекъ побѣдитель», «За хлѣбомъ», «Та третья» «Ганка» и другія, хорошо знакомыя русскому читателю.

Многообразной дѣятельности польскаго писателя еще рано подводить итоги, хотя за послѣднее время Сенкевичъ замолкъ. Избраніе его почетнымъ академикомъ русской академіи, по разряду изящной словесности, основаннаго въ честь Пушкина, есть фактъ небывалый, и этимъ фактомъ ясно и убѣдительно еще разъ подчеркивается новое теченіе русско-польскихъ отношеній. Русскіе писатели-академики этимъ избраніемъ признаютъ за польскимъ писателемъ право на почетное мѣсто въ русской академіи; польскій языкъ, польская литература этимъ избраніемъ признаются родными, содружными русскому языку и литературѣ. И, наконецъ, знаменательно то, что Россія, въ лицѣ русской академіи, первая протягиваетъ руку братскаго примиренія Польшѣ, въ лицѣ Сенкевича, ибо Сенкевичъ не только польскій писатель, но онъ—символь современной Польши, ея самый яркій представитель, всѣми признанный хранитель цѣнностей ея духа, поэтъ ея прошлаго.

Н. Дмитриевъ.

ВЪ ТѢНИ.

Очеркъ П. Ельнина.

Смерть справедливѣ жизни. Изъ прижизненной тѣни она нерѣдко выводитъ въ полосу свѣта мало знаемыя имена, забвенные образы; она обращаетъ незамѣтныхъ, скромныхъ борцовъ въ истинныхъ героевъ чести и долга.

Въ сутолкѣ жизни далеко не всегда на виду истинно-цѣнное, самоцѣтное. Настоящія жемчужины не раскиданы на поверхности, а таятся въ глубинѣ—замкнутыя, скрытыя. Такъ было и съ покойнымъ Александромъ Михайловичемъ Коллюбакинымъ. Его знали и не знали. Среди земскихъ круговъ, въ политическихъ партіяхъ онъ пользовался достаточной извѣстностью. Но широкимъ массамъ его имя было мало знакомо. На широкой поверхности жизни оно показывалось рѣдко; даже въ Словаряхъ и Энциклопедіяхъ послѣдняго времени мы не найдемъ хотя-бы краткаго упоминанія о немъ, объ его дѣятельности. Лишь при выборахъ въ III-ью Государственную Думу изъ тѣни выходитъ на широкій просвѣтъ Коллюбакинское имя. Избранникомъ петроградскаго населенія отъ партіи народной свободы онъ вступилъ въ Думу, и на новомъ широкомъ поприщѣ только успѣлъ лишь мелькомъ проявить свои недюжинныя силы, свой творческой умъ и энергію, такъ хорошо знакомыя въ земскихъ и партійныхъ кругахъ. Но въ черной земской и партійной работѣ загнивались личныя черты крупнаго человѣка и самоотверженнаго общественнаго работника.

Пребываніе въ Думѣ Коллюбакина закончилось быстро: онъ былъ вынужденъ сложить депутатскія полномочія. Творческой работѣ въ Думѣ не пришлось развернуться. Коллюбакинъ былъ привлеченъ къ суду. Ему было предъявлено обвиненіе въ распространеніи лозунговъ выборгскаго воззванія. вмѣсто Таврическаго дворца уже его ждали—«Кресты», вмѣсто начала широкой политической дѣятельности—потеря политическихъ правъ. Вслѣдъ за короткой солнечной полосой—снова полная тѣнь.

Военный по образованію, связанный съ военной средой по рожденію и воспитанію, Коллюбакинъ былъ «земцемъ». Рожденный въ старой Россіи, въ одномъ изъ ея стародворянскихъ гнѣздъ, онъ рано возлюбилъ еще въ мукахъ рожденія, едва выявлявшую свое лицо, новую, молодую Россію. На службу ей онъ въ полномъ смыслѣ отдалъ свою молодость, свои силы, свой умъ, энергію и душу. Такъ началась его земская служба въ новгородскомъ земствѣ, отмѣтившемъ незаурядную личность Коллюбакина и скоро избравшаго его въ председатели губернской управы. Это было въ 1904 году. Избраніе прогрессивнаго работника не получило утвержденія въ ту пору, но наступали уже иные дни. Зарождавшійся «Союзъ Освобожденія» нашелъ въ лицѣ Коллюбакина искренно преданнаго человѣка «новымъ началомъ». Общественная волна вынесла Коллюбакина въ первые ряды дѣятелей Союза, поставила во главѣ наиболѣе активныхъ работниковъ образовавшейся партіи народной свободы; съ 1905 года и до самыхъ послѣднихъ дней Коллюбакинъ являлся членомъ ея центрального комитета. Война вызвала въ покойномъ непреклонное желаніе стать активнымъ работникомъ въ начавшейся борьбѣ. Съ большимъ трудомъ, цѣною массы хлопотъ, онъ добился своего: добровольцемъ всталъ въ ряды дѣйствующей арміи и легъ костями на окровавленныхъ поляхъ, сражаясь за общее дѣло, за страстно любимую имъ родину, за грядущее ея обновленіе.

Жизнь, полная подвиговъ, незамѣтныхъ для большинства, обратилась въ такую же подвижническую смерть. Жизнь во имя другихъ перешла въ смерть за другихъ. И жизнь и смерть принялъ онъ во имя одного и того же—осознаннаго, любимаго. Жизнь и смерть—такія простыя, безъ позы, безъ крика,—въ одномъ устремленіи, въ одной любви, одного долга. И это гармоническое сочетаніе словъ и дѣлъ только теперь всѣмъ ясно и понятно, когда его нѣтъ уже.

Отъ героической смерти Коллюбакина не вѣетъ холодомъ могилы. Осіянная красотой подвига, эта смерть отбрасываетъ снопъ лучей на всю жизнь покойнаго—такую простую и цѣльную, гармоничную въ своемъ единомъ устремленіи: все въ жертву ей,—ей, любимой Россіи, торящей свой новый путь.

Коллюбакинъ былъ ея героемъ, ея рыцаремъ безъ страха и упрека. И замѣчательно, что въ оцѣнкѣ его, не оцѣненнаго раньше, теперь сходятся не только друзья и единомышленники; даже тѣ политическіе враги, съ которыми онъ бился честнымъ боемъ, не могутъ не отдать должнаго его благородному духу, его стойкости, энергіи, его чуткой широкой душѣ. Такіе люди нужны всегда, ибо безъ нихъ заглохла-бы нива жизни, ибо на этой нивѣ они, какъ полные колосья на полѣ, возвѣщаютъ о грядущемъ урожаѣ, среди больныхъ и чахлахъ злаковъ...

Александръ Михайловичъ
КОЛЮБАКИНЪ.

Гдѣ солнце—тамъ и тѣнь. Солнцемъ некрасовской поэзіи еще ярко все окрашено. Оно зачерѣло, но до поры заката ему далеко. Еще бѣть съ призывной силой некрасовскій стихъ, еще живые стоятъ рѣзко очерченныя его образы, его стenanія и муки.

Разверните некрасовскій томъ. Въ концѣ, тамъ, гдѣ собраны, исходящія отъ крови и страданія, «последнія пѣсни» поэта, вы найдете двѣ пьесы, посвященныя таинственной З—нѣ. Это та «Зина», въ сердцѣ которой «двѣсти ужъ дней, двѣсти ночей» стоны отзываются страдальца-поэта: «Зина! закрой утомленныя очи! Зина, усни!». Изъ другой пьесы ясно обозначается духовная близость къ Некрасову этого молодого существа, которое самъ поэтъ называетъ «дитя»: «Ты еще на жизнь имѣешь право, быстро я иду къ закату дней. Я умру—моя померкнетъ слава, не дивись—и не тужи о ней!». И ей же, невѣдомой, незнаемой нами, бросилъ онъ крылатый стихъ, горькое признаніе: «мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ; пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ». Кто же была она, эта таинственная незнакомка, столь близкая въ облегченіи духовныхъ и физическихъ страданій угасавшаго Некрасова? Кто она, которая не только «двѣсти ночей» героически высиживала у постели умирающаго, но о которой въ минуты даже неизбывныхъ страданій не переставалъ думать Некрасовъ, слабѣющими устами обращаясь именно къ ней съ послѣдними поэтическими строками? Кто она?

Для біографіи такого поэта, какъ Некрасовъ, дорогъ каждый штрихъ, каждая фактическая отмѣтка. Но мы не знаемъ до сихъ поръ цѣлыхъ полосъ жизни Некрасова; и только теперь начинается изученіе его, въ связи съ эпохой. Жалкая біографія, написанная четверть вѣка назадъ Скабичевскимъ,—образецъ, какъ не должно писать біографій,—повторяется и въ новыхъ некрасовскихъ изданіяхъ. Но и другіе біографы и собиратели матеріаловъ ничего не раскрываютъ въ интересующемъ насъ вопросѣ. Одинъ изъ нихъ, покойный поэтъ Якубовичъ, прямо сознается: извѣстно, что Некрасовъ семьею «до конца дней не обзавелся, и только на смертномъ одрѣ сочелся законными узами съ той женщиной, которую считалъ своею женою, съ какихъ, однако, поръ и какія именно отношенія были у него съ этой женщиной, какъ быль ея нравственный обликъ и даже какъ ее звали (въ предсмертныхъ стихахъ онъ воспѣвалъ ее подъ именемъ Зины)—все это вопросы, на которые у насъ пока нѣтъ отвѣта». Это писалось не четверть вѣка, а всего какихъ-либо восемь лѣтъ назадъ, въ 1907 году. Въ концѣ января 1915 года, разгадка кое-какъ извѣстная въ полусловахъ и раньше, стала ясной: 25 января въ Саратовѣ скончалась Зинаида Николаевна Некрасова, *вдова поэта*. Кое-какіе слухи и раньше проникали о ней въ печать. Одинъ изъ саратовскихъ журналистовъ недавно еще сдѣлалъ въ полномъ смыслѣ «открытіе»: въ Саратовѣ нашель вдову Некрасова, живущую въ крайней бѣдности. О ней заговорили; Москва собралась къ ней на помощь, но нуждающаяся женщина гордо отклонила помощь съ міра по ниткѣ и рѣшительно заявила, что приметъ ее только отъ литературнаго фонда, учредителемъ котораго былъ ея покойный мужъ.

И снова замолкли о ней всякіе слухи.

Зинаида Николаевна пережила поэта, но тотчасъ послѣ его смерти рѣшительно обрекла себя на полное забвеніе. На окраинѣ Саратова, въ бѣдномъ домикѣ рабочаго, раздавъ всѣ свои средства, она прожила замкнуто, уединенно почти сорокъ лѣтъ, отдѣлявшихъ ее отъ смерти мужа, ничѣмъ не заявляя о своемъ существованіи, точно намѣренно уйдя въ полную тѣнь. Это было какое-то полное отреченіе отъ міра въ мірѣ, безъ напоминаній о себѣ. Повторяя некрасовскія строки—«ты на жизнь еще имѣешь право»,—смутно зная по отрывочнымъ воспоминаніямъ о вѣнчаніи приговореннаго къ смерти поэта съ таинственной «Зиной», мы ничего не знали о ней, и для многихъ было полной неожиданностью телеграфное сообщеніе изъ Саратова о смерти вдовы Некрасова. Но, думается, близко время, когда изъ тѣни выйдетъ ея образъ, проясняя туманную повѣсть жизни самого великаго нашего поэта.

П. Ельнинъ.

Три миллиарда.

Очеркъ Вл. Новоселова.

Три миллиарда сто тридцать два миллиона сто семьдесят четыре тысячи триста четырнадцать рублей — такова десятизначная цифра росписи наших государственных доходов на 1915 годъ, принятая обѣими законодательными палатами.

Сухой, скучный языкъ цифръ ясно и точно опредѣляетъ картину роста хозяйственной жизни Россіи.

Какихъ-либо шестьдесятъ лѣтъ назадъ, ко времени севастопольской кампаніи, государственные доходы Россіи едва достигали трехсотъ миллионѣвъ рублей. Къ періоду русско-турецкихъ осложненій эта цифра выросла вдвое, но уже въ началѣ русско-японской войны она дошла до двухъ миллиардовъ рублей. Теперь, за десять лѣтъ, прибавился еще новый миллиардъ.

Всѣ эти доходы казны слагались однообразно, почти безъ перемѣнъ, главнымъ образомъ, изъ косвенныхъ налоговъ, падающихъ всей тяжестью на потребителя. Впереди стояли доходы съ правительственныхъ регалій, и, среди нихъ, на первомъ мѣстѣ доходъ отъ казенной продажи питей. Этотъ доходъ, начиная съ 1893 года, росъ съ головокружительной быстротой, достигнувъ въ росписи прошлаго, 1914, года почти одной трети всѣхъ поступленій.

Ростъ «пьянаго» бюджета уже давно приводилъ въ смущеніе, ибо онъ неразрывно связывался съ ростомъ потребления водки и распространеніемъ казенной продажи ея на все большіе и большіе районы.

«Опытъ» введенія казенной продажи блистательно удался. Не удалось только казенныя заботы о народной трезвости и близорукая надежда, что замѣна кабака казенными лавками положить начало «истинно-патріотическимъ усиліямъ къ ослабленію одного изъ самыхъ печальныхъ и оскорбительныхъ золъ народнаго быта». Такъ именно говорилось въ циркулярѣ министерства финансовъ, тогда только еще вступающаго на путь монопольной продажи казеннаго вина. «Моральная сторона» реформы, которой защитники тогдашняго новаго курса придавали такое значеніе, потерпѣла полное фіаско. Все увеличивающееся количество потребления вина въ Россіи, колоссальныя цифры годъ отъ года росшихъ доходныхъ поступленій отъ водки говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ, что «зло народнаго быта» не только не пресѣчено монополіей, но растетъ съ неудержимой силой. И оно расло, питая пьяными деньгами русскій бюджетъ, въ которомъ пьяные доходы вскорѣ же получили первенствующее мѣсто, составляя почти половину доходныхъ поступленій отъ всѣхъ казенныхъ регалій. Въ грубой схемѣ весь нашъ государственный бюджетъ слагался изъ доходовъ отъ правительственныхъ регалій (налоги и акцизы на сахаръ, табакъ, водку, спички, таможенные и другія пошлины) и доходовъ съ казенныхъ имуществъ (въ томъ числѣ и отъ желѣзныхъ дорогъ).

О сокращеніи доходовъ, основанныхъ на источникѣ спаиванья народа, давно уже поднималась рѣчь, но о полномъ сведеніи его на нѣтъ даже мечтать было невозможно. Казалось это донкихотствомъ.

Но невозможное вдругъ сдѣлалось возможнымъ, и то, чего никто не могъ предполагать, стало совершившимся фактомъ. Въ самую тяжелую годину для Россіи пьяный бюджетъ вдругъ оказался похороненнымъ. И вмѣсто вѣнковъ на могилѣ оказался осиновый коль. Бѣшенная, повторявшаяся изъ года въ годъ, скачка «пьяныхъ статей» доходовъ разомъ получила осѣчку. Совершилось небывалое, безпримѣрное въ лѣтописяхъ исторіи вообще, произошло то, что даже другіе народы назвали актомъ «величайшаго національнаго русскаго героизма».

Предъ лицомъ великой опасности, Россія разомъ осознала опасность еще болѣе горшующую, убивающую вѣка волю, энергію и силы народа: народное пьянство. Четыреста почти миллионѣвъ, вычеркнутыхъ изъ доходныхъ статей бывшаго пьянаго бюджета, явились фактомъ. Общая картина въ 1915 году измѣнилась кореннымъ образомъ. Понадобились чрезвычайныя временныя мѣры для устраненія недобора отъ прекращенія казенной продажи водки. Эти мѣры, принятія спѣшно, въ виду развертывающихся событій, должны заполнить образовавшуюся брешь въ бюджетѣ,

но несомненно, что онъ не останутся постоянными мѣрами, основами бюджета, ибо вся система нашихъ податныхъ доходовъ переживаетъ ломку; она наканунѣ своей полной перестройки. Въ старые мѣха нельзя вливать новое вино. Такъ именно и отнеслась къ бюджету на 1915 годъ Государственная Дума. Она приняла его безъ критики отдѣльныхъ статей, ибо желаніемъ народного представительства было дать въ руки государственной власти всѣ средства для успѣшнаго окончанія войны, ставшей общимъ великимъ національнымъ дѣломъ. Но Дума засвидѣтельствовала, что, несмотря на тяжелыя испытанія войны, внесшія разстройство въ народномъ и государственномъ хозяйствѣ, несмотря на исключеніе изъ смѣты государственныхъ доходовъ одной изъ доходнѣйшихъ статей, недавно еще бывшей базой бюджета, Россія непоколебимо стоитъ у вратъ своего лучшаго будущаго. Она бодрствуетъ, и нѣтъ въ ней страха, но одна ясная увѣренность въ силы русскаго народа, въ его лучшую долю. Эта увѣренность прозвучала ясно, была основной нотой засѣданія 27 января и слѣдующаго, посвященнаго разсмотрѣнію бюджета. Народные представители осознали, что отечественная война выдвинетъ передъ ними болѣе широкія задачи, чѣмъ только одно разсмотрѣніе бюджета. Дума, признавъ, что теперь не время для детальнаго разсмотрѣнія бюджета и его критики, однако не могла не остановиться на тѣхъ общихъ вопросахъ русской жизни, которые накладываютъ на все, и въ томъ числѣ и на бюджетъ, свои ярковыразительныя штрихи. Онѣ всѣ—наслѣдье прошлаго, его отзвуки, его выраженіе. Таково прежде всего рѣзкое преобладаніе въ бюджетѣ косвенныхъ налоговъ предъ прямыми. Эта неизмѣнная особенность нашего бюджета коренится въ особенности русской податной системы, унаслѣдованной отъ прошлаго. Предсѣдатель думской бюджетной комиссіи мѣтко охарактеризовалъ эту систему, сказавъ, что большинство нашихъ налоговъ падаетъ на предметы потребления, то-есть падаетъ на кошельки, которые не могутъ быть названы слишкомъ обильными. Государственная Дума въ цѣломъ рядѣ ораторовъ высказала пожеланіе, чтобы министерство финансовъ обратило вниманіе на переустройство податной системы, между прочимъ на подоходный налогъ. Но Думѣ приходилось считаться прежде всего съ исключительностью настоящаго момента, высказываться съ точки зрѣнія тѣхъ перспективъ, которыя открываетъ настоящее, ограничивать свою работу только этимъ настоящимъ. Но она засвидѣтельствовала, что Россію не запугаютъ никакія цифры, никакія жертвы во имя довершенія великой борьбы, начатой народомъ.

Привѣтствуя первый трезвый бюджетъ, Дума устами предсѣдателя бюджетной комиссіи заявила, что она принимаетъ отрезвленіе, какъ великую мѣру съ радостнымъ и благодарнымъ сердцемъ, ибо въ немъ она видитъ залогъ появленія новаго челоука, который поведетъ Россію по новому руслу, по руслу самостоятельнаго государства, творящаго мирную жизнь. Но эта жизнь возможна только тогда, когда будутъ устранены всѣ засилія, гдѣ-бы они ни скрывались, въ какихъ-бы сферахъ они ни свили себѣ гнѣздо; для этого необходимо прежде всего единеніе всей Россіи, ея національная сплоченность, а не націоналистическія разъединенія. Нужно новое. И первое нужно: многому научиться и многое забыть. Научиться жить по новому, забыть старые проторенные пути. Въдѣ, еще такъ недавно старый путь, даже въ созданіи бюджета, казался единственнымъ, еще недавно водочные доходы не возбуждали ни брезгливости, ни сомнѣній; было даже время—и оно еще недалеко,—когда сама питейная реформа и богатые поступления отъ нея славились и восхвалялись, какъ панацея отъ всѣхъ золъ; казенная продажа являлась, если не своего рода однимъ изъ китовъ русской жизни, то вѣрнымъ источникомъ казны. А теперь и отъ ея золота, и отъ ея «моральнаго оздоровленія» отрешиваются. Само министерство финансовъ свидѣтельствуетъ, что, несмотря на тяготы войны, благосостояніе сельскаго населенія, съ отнѣной водочной продажи, не только не пошатнулось, но въ нѣкоторыхъ районахъ даже упрочилось. Само населеніе сочувственно отнеслось къ коренной реформѣ, проведенной такъ неожиданно; даже болѣе: отовсюду идетъ тревога, что временная мѣра не обратится въ постоянную, и всюду ждуть подтвержденія того, что начатое отрезвленіе послужитъ началомъ дѣйствительно новой, трезвой Россіи. Эта увѣренность получила полное подтвержденіе и въ Думѣ, принявшей отрезвленіе, какъ великую мѣру «съ радостнымъ и благодарнымъ сердцемъ».

Трудный починъ сдѣланъ. Самый успѣхъ его свидѣтельствуетъ, что уже начало иныхъ началъ глядится въ глаза, свѣтится путеводными огнями...

В. л. Новоселовъ.

Забутыя и новыя слова.

Очеркъ Н. Д. Носкова.

«Константинополь, рано-ли, поздно-ли, долженъ быть нашъ!» Такъ писалъ Достоевскій въ началѣ войны 1877 г. Позднѣе, возвращаясь къ той же, волнующей его, темѣ, онъ повторялъ: — «Да, Золотой Рогъ и Константинополь все это будетъ наше. И, во-первыхъ, это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то, дѣйствительно, время уже близко, всѣ къ тому признаки, это выходъ естественный, это, такъ сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрѣло еще время». «Что бы тамъ ни случилось», — убѣжденно прибавлялъ Достоевскій, — «миръ-ли, вновь-ли уступки со стороны Россіи, но рано-ли, поздно-ли, а Царьградъ будетъ нашъ...»

На него имѣтъ Россія *нравственное* право, ибо недаромъ «третій Римъ», возвышающаяся Москва, приняла знамя поверженнаго втораго Рима (Византіи) и византійскаго двухглаваго орла поставила выше своего древняго герба. Достоевскій не отвергалъ, а принималъ преданье, бралъ его, какъ свидѣтельство все еще живой старины. Для него Царьградъ и Россія были соединены живой связью, и потому-то, съ его точки зрѣнія, не могло быть мысли ошибочнѣе, что, при смерти Турціи, Константинополь можетъ стать «серединнымъ, общимъ, вольнымъ городомъ». Для Достоевскаго восточный вопросъ являлся «страшнымъ вопросомъ»: «Это *наша* жизнь и смерть», ибо съ нимъ связана «чуть не вся судьба наша въ будущемъ; этотъ самый вопросъ былъ обнимающимъ всѣ наши задачи, являющимся единственнымъ выходъ нашъ въ полноту исторіи». «Въ немъ *окончательное столкновение* наше съ Европой и *окончательное единение* съ нею, но уже на новыхъ, могучихъ, плодотворныхъ началахъ». И вновь писатель подчеркивалъ: «рано-ли, поздно-ли, а Константинополь долженъ быть нашъ и хотя-бы лишь въ будущемъ только столѣтіи! Это намъ, русскимъ, надо имѣть въ виду всѣмъ неуклонно».

Русская армія стояла у самаго Константинополя въ 1878 г., но она не вошла въ него. Берлинскій конгрессъ, при посредствѣ Германіи, свелъ на нѣтъ всѣ плоды русской побѣды. Россія отступила отъ Константинополя, ибо входъ въ него явился-бы началомъ новой войны. Мечты Достоевскаго оказались только мечтами; даже болѣе: онѣ были забыты. Но «страшный восточный вопросъ», неразрѣшенный и отлагаемый со дня на день, смущалъ покой вооруженнаго мира, бряцающаго оружіемъ. Пророчеству Достоевскаго, его страхамъ современники внимали съ улыбкой, какъ лепету народныхъ легендъ о томъ, что, въ знакъ вольнаго самодержавства великія Руси, византійскій царь Константинъ прислалъ великому князю Владимиру вѣнецъ царскій, ожерелье и иные дары—знаки союза Византіи съ Русью. И тѣмъ же младенческимъ лепетомъ звучала другая легенда, содружная съ первой, о томъ, что на мѣсто униженнаго города Константина, принявшаго наименованіе Стамбула, вознеслась изъ праха возвеличенная Москва,—«третій Римъ», на смѣну павшему второму, и слагалась увѣренность, что все падетъ и преклонится предъ этимъ «третьимъ», наслѣдникомъ втораго.

Цѣлый снопъ легендъ слагался на почвѣ убѣжденности, что униженный и павшій Царьградъ возстанетъ вновь и на берегахъ Босфора утвердятся вновь третій Римъ, силъ и славъ котораго некого будетъ противопоставить. Весь Константинополь обвѣянь такими легендами, и всѣ онѣ говорятъ о временномъ владычествѣ турокъ, о временномъ искуплении, предрекая неизбѣжный и скорый конецъ турецкаго засилья, опредѣляя срокъ его въ цифрахъ—четырехъ, четырехъ съ половиной столѣтій. Но цифры не дружатъ съ поэзіей легендъ; ихъ точный разсудочный безкрылый языкъ не уживается съ крылатой, безудержной мечтой.

Четыре вѣка давно прошло. Половина пятаго зашла уже за середину, а Турція все еще живетъ. Святая Софія—символъ Премудрости, восторженный гимнъ искусства въ честь ея величія—болѣе четырехъ вѣковъ утратила свое прежнее значеніе. Дѣйствительность оказалась сильнѣе мечты. И характерно, что даже эти самыя мечты въ русскомъ обществѣ были только одинокими мечтами, содружными Достоевскому и Тютчеву—Мессіямъ грядущаго, но не властителямъ думъ своего поколѣнія. Тютчева у насъ недавно обрѣли, Достоевскаго мы только еще открываемъ теперь. И тотъ, и другой стояли особнякомъ, вдали отъ господствующихъ теченій, отъ прокрустова ложа господствующихъ теорій, отъ всего того, что задавало тонъ и являлось передовыми позиціями русскаго общественнаго мнѣнія, вело за собою богомольную толпу. И Достоевскій, и Тютчевъ были прежде всего слишкомъ индивидуальны, чтобы оказаться по плечу всѣмъ. Стоя на горней вершинѣ, они видѣли восходящее солнце новаго дня, тогда какъ для стоявшихъ въ низинахъ еще были только глубокая сумерки ночи. Тамъ еще провожали уходящій

день, когда Достоевскій уже встрѣчалъ солнце новаго дня. Онъ его видѣлъ, его привѣтствовалъ. Въ низинахъ его не видѣли и оттого и не понимали, о какомъ солнцѣ говорилъ стоявшій на вершинѣ горы, не понимали до тѣхъ поръ, пока солнце не поднялось изъ-за горы и не бросило лучей на низины.

Оттого-то горячее убѣжденіе Достоевскаго было приравнено чуть-ли не къ кликушеству. Цѣны ему не придали. Оно не раздѣлялось равно и въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ. Правительство желало покончить войну, общественные круги, испытавшіе на себѣ всю прелесть «византійскаго вліянія», отраженнаго въ русской дѣйствительности, не могли принимать близко къ сердцу лозунга Достоевскаго, его пророческихъ словъ объ окончательномъ нашемъ столкновении съ Европой и окончательномъ единении съ нею, но уже на новыхъ, могучихъ, плодотворныхъ началахъ, были непоняты, не оцѣнены. Это были только слова, смыслъ которыхъ былъ еще неясенъ и загадоченъ. Чужды были и самый восточный вопросъ, которому тогда не придавалось такого огромнаго значенія, которое ему давалъ Достоевскій, съ какой остротой онъ его ставилъ. Обо всемъ этомъ мало думали, далекіе отъ вопросовъ внѣшней политики, наши общественные круги. Не болѣе думали и жалкіе выученики, творцы нашей дипломатіи.

Объ окончательномъ столкновении и окончательномъ единении съ Европой могла терзаться дерзновенной думой только творческая мечта Достоевскаго, публициста, стоявшаго особнякомъ, не пожинавшаго ни лавровъ, ни славы, не знавшаго цѣны ходячихъ мнѣній и преклоненій предъ модными лозунгами.

Нужно было, чтобы прошло сорокъ лѣтъ; нужно было новое столкновение съ Турціей, чтобы вспомнить о Достоевскомъ. Столкновение съ Европой, въ лицѣ Германіи и Австріи, и единение на новыхъ началахъ съ Франціей и Англійей уже налицо, совершившійся фактъ. Мысль, что это—окончательное столкновение, послѣдній кровавый споръ народовъ, живеть теперь всюду. Всѣ напряженія сведены къ тому, чтобы разомъ покончить съ гнетомъ германскаго милитаризма, давившимъ, подобно кошмару, всю Европу, и черезъ побѣдную войну получить долго жданный миръ. Новыя, могучія, плодотворныя начала открываются въ дѣйствительно новомъ, небываломъ единении союзныхъ народовъ и творится на этой почвѣ возможность новой жизни.

Право на обладаніе Россіей Константинополемъ уже не встрѣчаетъ тѣхъ препятствій со стороны Англии и Франціи, какія оно встрѣчало сорокъ лѣтъ назадъ. Это же право все яснѣе и яснѣе сознается русскимъ обществомъ. Выступленіе князя Евгенія Трубецкаго съ тѣмъ же лозунгомъ—Константинополь долженъ быть нашъ—и аудиторія, полная представителей интеллигентной Россіи, провожающая лектора взрывомъ долгихъ рукоплесканій—это фактъ новыхъ дней. И такъ въ Москвѣ, такъ и въ Петроградѣ. Представитель прогрессивной Россіи, П. Н. Милюковъ, съ думской каѣдры, отъ лица партіи народной свободы заявляющій, что выполненіемъ «главнѣйшей изъ національныхъ задачъ является приобрѣтеніе проливовъ и Константинополя»—это знаменіе времени, предреченнаго все тѣмъ же Достоевскимъ. Далѣе: представитель объединеннаго кабинета заявляетъ съ той же думской трибуны, «что все отчетливѣе обрисовывается передъ нами свѣтлое будущее Россіи—тамъ, на берегахъ Чернаго моря, у стѣнъ Царьграда». О выходѣ Россіи къ свободному морю говорить и министръ иностранныхъ дѣлъ.

То, что для одного Достоевскаго составляло *главнѣйшую національную задачу*, становится теперь общимъ лозунгомъ. Русскій народъ слишкомъ дорос до здраваго понятія о восточномъ вопросѣ съ *своей точки зрѣнія*,—такой тезисъ выставлялъ Достоевскій еще въ 1878 году. Но русскій народъ тогда еще «безмолвствовалъ». Крѣпкая нужна была вѣра въ него, чтобы писать о немъ: «когда-нибудь добьется же онъ того, что начнутъ понимать и его и, по крайней мѣрѣ, принимать его во вниманіе. Поймутъ, что и онъ что-нибудь значить. Поймутъ, наконецъ, и то важное обстоятельство, что ни разу еще въ великіе или даже въ чуть-чуть важные моменты исторіи русской безъ него не обходилось...». И онъ самъ теперь говорить вѣское слово: нуженъ-ли и зачѣмъ нуженъ ему Константинополь: во имя-ли претворенія прошлыхъ легендъ и мечтаній, или во имя того будущаго, которое открывается передъ нимъ съ той поры, когда онъ встанетъ твердой ногою у выхода въ южное море,—у свободнаго выхода во всѣ концы міра, «въ полноту исторіи» по Достоевскому. Константинополь нуженъ Россіи, не какъ реликвія прошлаго, изжитаго и не повторяемаго, но потому, что онъ залогъ будущаго, залогъ развитія новой свободной Россіи, конечное рѣшеніе спора о свободныхъ проливахъ.

Н. Д. Носковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ пятый.

	Стр.
Громъ. Стихотвореніе Александра Рославлева	150
Я скованъ съ тобою... Стих. Л. Андрусона	150
На мотивъ П. Верлена Стих. Изгнанника	151
Какъ скучно... Стих. Ив. Мукосѣева	151
Плачеть... Разсказъ Л. Григорова	152
Молитва Св. Георгію. Стих. Н. Якубовича	160
Иванъ Ивановичъ. Разсказъ Н. Карпова	161
Ожиданіе. Стих. Я. Тисленко	165
Благодатная ложь. Разсказъ Карменъ	166
Мазурка. Ноты. Музыка Гастона Лемэра	173
Россія и Польша. Очеркъ Н. Дмитриева	175
Въ тѣни. Статья П. Ельнина	177
Три милліарда. Статья Вл. Новоселова	180
Забутыя и новыя слова. Очеркъ Н. Д. Носкова	182

КАРТИНЫ: 1. У окна. Картина въ краскахъ Г. д'Этіеннъ. 2. Песчаный берегъ.
Автотипія съ картины Шредера.

Къ свѣдѣнію Гг. подписчиковъ.

За перемѣну адреса взимается 30 коп. почтовыми марками и необходимо прилагать свой прежній адресъ съ бандероли, безъ чего перемѣна невозможна.

Необходимо прилагать печатный адресъ при всѣхъ обращеніяхъ въ редакцію.

Лицамъ, пользующимся разсрочкой и не уплатившимъ денегъ своевременно, высылка журнала немедленно прекращается.

Заявленія о неполученіи какого-либо № журнала передаются въ почтамтъ для разслѣдованія и должны быть высланы не позже полученія слѣдующаго за нимъ очереднаго №. Неаккуратная доставка журнала, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, должна быть разслѣдована самими подписчиками.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/581

М
54-30

1915 г.

Продолжается подписка на 1915 г.
на двухнедельный,

10-й годъ
изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА Художественно-Литературнаго и научнаго журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:
1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ** въ стиль Людовика XVI-го. Картина на атласѣ Буше.
2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.** Изящный стѣнный горельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:
ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Дикія утки“. | **ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ** „Морскіе окуни“.
Художник: Ел. Магюръ и Ф. Эрай. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:
Дѣвушка съ голубями. ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаплень. Размѣръ 47x68 сант.
Стильный японскій альбомъ съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тиснениемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ
знаменитаго итальян. худож. **СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!** работы пост. Дв. Е. И. Велич. Герцони. Голикъ и Вильб.
Размѣръ 62x80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ
извѣстнаго художника **ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ** Размѣръ картины 63x88 с.
Ф. Лефлера.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб., на второе 5 руб., на 3 мѣсяца 2 руб.;
на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка 12 руб.
2-го полугодія не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.
Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.
Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.